

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

АРОН РОДОВИЧ

Том 5

Арон Родович

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 5**

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 5 / А. Родович —
«Автор», «Автор», 2026

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря! Ведь я вернулся на двенадцать лет назад! Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать. Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз! Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными. Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 90	5
Глава 91	10
Глава 92	16
Глава 93	22
Глава 94	28
Глава 95	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Реалов, Арон Родович

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 5

Глава 90

Бетон дрогнул под ладонью, и я почувствовал это раньше, чем услышал. Низкий, утробный толчок, от которого в зубах зазвенело стекло. Первая кислотная растяжка из тех, что мы ставили в первые сутки блокады, кончилась. Сапёры долбанули так, что даже брызги не успели испариться, а просто осели на стенах жирным серым слоем. Счёт пошёл. Теперь не час, не полтора. Минуты. Может быть, двадцать, пока они разберутся со второй секцией, где я заложил двойной контур феромонов. Мне нужно было вывести людей из прострела — не дать частной армии запереть их у собственного щита.

Из двадцати девяти я отделил девятерых: себя, Петю, Катю, Тагира, Василису, Акима, Стёпу, Лёву и Тони. Тимур с Артуром увели остальных двадцать в боковой технический карман к теплотрассе, не к освещённому пролому. Тимур забрал копию списка, раненого Ильина передали под руки ремонтникам. Тагир закрыл за ними разделительную дверь. Она оставалась на щеколде изнутри — по сигналу откроют. Сначала я найду наружный ход, потом выведем остальных тем же маршрутом.

— Держим периметр! — Тагир встал поперёк прохода к люку. Щит упёр в стену, кулак сжал у подбородка — ещё бы автомат сейчас попросил. — Если выйдем наружу, нас порвут тепловизорами! Здесь узко! Мы их тут всех перебьём, как в «Подземке»!

Последнее он крикнул уже Акиму. Тот кивнул, но я видел его ботинок: переступил назад, поближе к Тагиру. «Всех перебьём» хорошо звучало, пока никто не требовал первым выглянуть под тепловизор.

Аким встал возле Тагира, Стёпа прижал рацию к груди. Лёва подтянул больную ногу к стене, заслонил сумку с журналом локтем. Стоило мне посмотреть на люк, все трое тоже повернулись туда, а потом обратно к щиту. Здесь они хотя бы знали, откуда прилетит. За крышкой придётся сперва искать укрытие, и это их держало крепче любого приказа. Я понимал их до злости: сам четыре дня возился с коридорами, пробивал тоннель, убеждал людей, что за бетоном можно выжить. Теперь этот бетон трещал, а они всё ещё верили мне вчерашнему.

Шагнул к ним. Пика в руке привычно тяжелела, но правая рука всё ещё предательски дрожала после троса, долгой осады и перегруза. Трясучка, которая не давала спать. Я сжал челюсти, перехватил пику левой ближе к середине. Правой придерживал, не заставлял разгонять её на каждом шаге.

— Тагир, — я положил комель пики на край его щита, заставляя посмотреть на меня. Голос опустил, но эхо донесло его до каждого угла. — Посмотри на стену.

Он посмотрел. Там, где вчера висела схема вентиляции, которую мы начертили маркерами, теперь зияла чернота. Осколки бетона крошились.

— Ты хочешь сидеть здесь? — я приподнял пикой отвалившийся край схемы, указав на чёрную трещину за ней. — Пока они будут долбить этот коридор? Они придут не через главные ворота. Они придут сверху, снизу и сбоку. У них частная армия. У них тяжёлая техника. А у нас девять человек у этого люка и ещё двадцать за перегородкой. Щит с трёх сторон не закроет ни тех, ни этих. Оборона этого бункера — это могила для всех нас. Не последний рубеж. Могильник.

Тагир открыл рот, чтобы возразить, но Катя опередила его. Она стояла в тени, держа камеру на плече, объектив чуть прикрывала рукой.

— Дима прав, — Катя подвела объектив к трещине, другой ладонью придерживая камеру от вибрации. — Я видела, как они ставят датчики на внешнем кольце. Они не штурмуют. Они ждут, пока мы сами вылезем или задохнёмся. Если мы останемся, нас выкурят газом.

Катя включила запись и убрала пальцы от объектива. Красная точка отразилась на её ногте. На секунду захотелось велеть спрятать камеру: ладонь пригодится на лестнице. Но она уже подвела ремень под локоть, придерживала корпус плечом. Значит, опять понесёт. Я отвернулся к карте, прежде чем она успела поймать мой взгляд.

— Идём, — я отвёл пику от щита и пошёл к карте, оставляя Тагиру место повернуть его вдоль прохода.

Карту бункера держали у стены две ржавые кнопки. Тагир задел плечом нижний угол, бумага захлопнулась; пришлось придавить её древком. Старые отметки ремонтников ещё читались — восьмилетней давности, номера складских отсеков и линии вентиляции. Я провёл остриём вдоль водостока. Линия обрывалась внутри рамки. Наружных выходов здесь вообще не рисовали, будто бункер строили исключительно для тех, кому уже никуда не надо.

— Куда? — спросил Стёпа-связист, хромая рядом со мной. Его левый ботинок протекал, вода сочилась из дырки в подошве.

Прикрыл глаза, стараясь отделить гудение насосов от голосов. Эти тоннели я проходил в первой линии сотни раз и мог бы на ощупь узнать скобу, о которую однажды разбил колено. Но на старой карте ярусы соединялись иначе, чем здесь: по ней вслепую людей не поведёшь. Я помнил повороты, а за нынешней стеной мог оказаться совсем другой проход. Всплывали мокрая ржавчина, наклон дна, сквозняк у поворота. Я задержался на сквозняке, вспомнил собственный карандаш у страницы с котом. Там я записывал насосную станцию. Двенадцать лет оставили мне хотя бы привычку делать записи до того, как отнимут голову.

— Дима? — позвал Петя. Он стоял позади всех, потирая растёртую ступню. Он коснулся моего кармана: там лежала его прежняя зажигалка. Я достал её, вложил ему в ладонь. У воды ему пригодится знакомый пластик — только не газ.

— Подержи. Вернёшь наверху, — я закрыл его пальцы вокруг корпуса. Петя кивнул, убрал рядом с монетой. Колёсико тихонько звякнуло о металл.

Достал дневник. Тетрадь в линейку, с котом на обложке. Страница, исписанная моим почерком неделю назад. Запись от руки, сделанная по старой памяти до этой осады. Место под станцией насосов я вынес на бумагу отдельно от общей схемы; сейчас сверял этот ход с тем, что видел вокруг. Кот лежал перед глазами, и нужную строчку можно было показать всем. «Дк-7. Люк под станцией насосов. Вода идёт на юго-восток».

Дренаж не попал на старый план. Я помнил его ширину по застрявшему плечу и теперь прикинул Тагиров щит: пронесём вдоль тела, разворачивать придётся уже за поворотом. Бронегруппа там встанет в затылок друг другу, оператору турели негде будет выдвинуть станок. Если они полезут за нами, первому достанутся все теснота, вода и чужие сапоги сзади. Нам этот подарок тоже не понравится, но хотя бы получится уйти из-под тяжёлой техники.

— Вот сюда, — я ткнул пальцем в строчку дневника, придвинул к фонарю Тони. — Через венткамеру и вниз. По дну.

Катя щёлкнула затвором камеры, фокусируя кадр на странице дневника.

— Бумага спасает маршрут, — Катя наклонила объектив, уложив мою строчку в кадр целиком. — Хорошо, что ты пишешь как курица лапой, но читаемо.

— Быстро, — я закрыл тетрадь пальцем на этой странице, вернул в сухой внутренний карман. — У нас нет времени спорить с памятью.

У технического люка Стёпа остановил меня локтем. В обеих руках у него был малый блок глушителя маячка, снятый с проверочного плеча повторителя. Основной корпус остался в бункере, а этот он собрал из трофейного реле и старой рации; корпус успел так нагреться, что связист держал его через рукава. Я всмотрелся в индикатор. Наш знакомый грязный сигнал.

Сапёрский пеленгатор поведёт по нему прямо к нам, если Стёпа спустится с блоком. Свистящий ящик на пустом выступе заставит их потерять время здесь.

— Оставь его, — я указал тупым концом пики на сухой выступ возле люка. — Положи на пол. Открой крышку. Пусть сигнал рвётся наружу.

Стёпа удивлённо моргнул.

— Но... мы же потеряем маскировку. — Стёпа прижал крышку к индикатору, перекрыв свистящий зазор.

— Именно это нам и нужно, — я снял с пояса помеченный модуль, положил рядом с блоком. — Пусть бьют по пустому коридору. Пусть думают, что мы прячемся здесь. А мы уйдём по воде. Тишина — это жизнь. А этот маячок — приманка.

Стёпа открыл крышку блока, развернул экран помех наружу, питание оставил. Глушитель засвистел тонко, как чайник. Я подцепил пикой скобу технического люка, потянул левой. Крышка пошла, открывая лестницу вниз.

Внизу скобы терялись в черноте. Тагир спустил щит ребром, протиснулся сам, и только после его короткого «чисто» пошли остальные. Петя пропустил меня и остался замыкающим. Закрепив фонарь над плечом, я перебросил пику за спину и ухватился левой за первую скобу. Правую прижал к груди. На каждом шаге древко толкало между лопаток, фиксатор тянул предплечье; спускался медленнее, чем хотелось, и слышал, как Петя ждёт наверху, переступая возле крышки.

Наверху раздался взрыв. Второй заряд сапёров. Потом третий. Грохот покатился по бетонным жилам бункера, сбрасывая пыль с потолка. Свет мигнул и погас. Фонари выхватывали из темноты лица моих людей. Испуганные. Живые.

— Они вошли, — Тагир прижал щит к потолочной скобе, прислушиваясь к третьему удару. — Прямо сейчас.

Проверять Тагирово «вошли» было некому. Я махнул ему дальше и сам нагнулся под низкий кожух. Сырость защекотала нос, потянуло ржавчиной. Из шахты пришёл знакомый додиз — вентилятор на следующем ярусе, тот же промышленный гул, который в первой жизни мешал заснуть после смены. Сейчас захотелось рассмеяться ему навстречу: работает, зараза. Пока слышно, нам есть куда идти. Тагир тоже прислушался и уступил мне начало колонны.

Шахта привела нас к дренажному тоннелю. Вода стояла здесь по грудь. Холодная, чёрная, вонючая.

— Идём, — я снял пику с ремня, тупым концом проверил дно у первой ступени.

Мы вошли в воду. Ледяная волна обожгла ноги, и я выдохнул сквозь зубы, не останавливаясь на первой ступени. Повязки на обеих ладонях намокли; левую я ещё мог сжать на древке, правую держал ближе к корпусу. Я шёл первым, пика в левой, фонарь на разгрузке выше воды. Правая придерживала древко у корпуса, чтобы не тянуть больное предплечье.

Вода поднималась выше пояса; каждый шаг приходилось проталкивать сквозь неё, а под ногой ещё надо было найти дно. Пике из воды я не вынимал. Лучше сейчас упереться древком в провал, чем следующим шагом уйти туда самому. Шаги гулко отдавались в замкнутом пространстве.

Сзади послышался бульк.

— Дима! — Петина ладонь хлопнула по воде, не нашла стену.

Обернулся на Петину ладонь — и она ушла под воду. Луч его фонаря перевернулся, на миг осветил сапоги снизу и провалился в слив. Над горловиной крутилась мутная воронка: прорванная труба прибавила тяги, а мы её не услышали за вентилятором. Петя даже вдохнуть для крика не успел. На поверхности остался край пузыря; лопнул, и я уже толкал воду грудью туда, где он только что стоял.

До него было несколько шагов, но ноги вязли в потоке. Нырнул с пикой в левой, правым плечом упёрся в стену. Вода ударила по ушам. За пузырями ничего не видно; упёр древко

в край слива, освободил левую, нащупал сапог и потянул вверх — нога подалась и встала намертво. Его держало ниже, у решётки. Ещё рывок только сломает ему голеностоп. Я перехватил древко, нащупал остриём край металла и вынырнул за воздухом, уже разворачиваясь к Тагиру.

Воздуха хватило на один вдох.

Подав Тагиру длинный конец пики, ещё отплёвываясь от воды. Под водой Петин сапог держало краем сорванной сливной решётки. Я сунул остриё между нею и бетонным выступом, ладонью показал Тагиру, куда давить. Короткое плечо — под решётку, длинное — в его руки. Он навалился весом, край приподнялся. Лево́й я схватил Петин ремень, потянул в сторону от горловины. Сначала вышел ботинок. Затем тело пошло вдоль стены. Петя вылетел из воды, кашляя водой и слизью. Мы вытащили его на ближайшую бетонную полку, торчавшую из потока.

Он лежал, раскинув руки, и смотрел в потолок. Капли стекали с его ресниц.

— Живой? — я положил ладонь между его лопатками, задыхаясь рядом с ним.

Петя кивнул и сразу закашлялся. Я подхватил его за плечо, помог повернуться; с губ потекла чёрная вода. Он отдышался, вцепился в мой рукав и поднял лицо. Форму этих глаз я помнил, а прежнего цвета не знал — он был выжжен из памяти. Можно потом рассмотреть нынешний. Лишь бы он вот так смотрел, злился на воду и сжимал ткань, словно я собирался оставить его на полке.

— Ты нас всех вытащишь, да? — Петя ухватил мой рукав над запястьем, не отпуская, когда я хотел повернуться к остальным. Голос сорвался, но вопрос был ясный. Без юмора.

Я задержал ладонь у него между лопаток. «Всех» хотелось сказать сразу, на том же выдохе, на котором он ещё выкашливал воду. Так удобно: кивнуть, поднять его, бежать. Петя поверит. А дальше за поворотом я могу не успеть. У него на губе прилипла мокрая нитка, я стёр её большим пальцем и только тогда ответил. Лучше пусть рассердится сейчас, чем услышит от меня красивую ложь.

— Всех, кого смогу, — я накрыл его пальцы своей ладонью, удержал рукав у него в кулаке.

Петя смотрел ещё три секунды. Между нами капало с его подбородка; где-то сбоку Тагир придерживал пику, и древко поскрипывало о бетон. Рукав Петя не отпустил. Я тоже не стал вытягивать руку. Пусть услышит это «смогу» до конца — вместе со всем, чего я не обещал. Потом он перевёл взгляд на воду, подвёл здоровую ступню под себя. Здесь мы уже задержались слишком надолго.

— Вставай, — я подставил левое предплечье ему под здоровый локоть. — Нам нельзя стоять.

Мы двинулись дальше. Темп упал. Петя хромал, вода холодила его ступню. Стёпа поддерживал его. Я шёл впереди, читая эхо. Гул вентилятора становился громче. Он смешивался с чужими голосами.

Перед нами выросла решётка. Толстая, сварная. Выход из дренажа в венткамеру. Решётка была заварена. Петли срослись с рамой.

— Пробьём? — Тагир упёр край щита в сварную раму, проверяя, куда она подастся.

— Нет, — я придерживал щит пикой, не дав ему стукнуть по шву. — Шум убьёт нас. Они слышат.

Я осмотрел раму. Гул вентилятора внутри камеры был мощным. Вибрация передавалась на металл. Есть ритм. На пике ноты дрожит весь кожух, на сварном шве виден ржавый провал. Бить надо туда, а скрежет утопить в вентиляторе.

Отступил на два шага по обнажившемуся у решётки бетонному дну. Разбежался. Левая, толчковая нога ударила в воздух, тело ушло в прыжок. Я бил пяткой в ржавый сварной шов рамы ровно в тот момент, когда гул достиг пика. Металл заскрипел. Петли лопнули. Решётка отлетела внутрь.

Падение утонуло в общем гуле. Тагир подхватил край щитом, не дал решётке хлопнуть второй раз. Снаружи нас не окликнули.

Мы протиснулись в проём. Венткамера была большой. Пустой. Свет фильтров подсвечивал пыль. За решёткой второго фильтра виднелся тоннель. Широкий. Чистый. И он был заполнен людьми.

Но люди были не наши.

Я прильнул к стеклу фильтра. Сквозь шум слышался голос. Командирский. Резкий, с хрипотцой.

— Турели не спят! Проверить сектор прострела! — Человек в полковничьей куртке прижал рацию к губам, указал двум бойцам на дальний поворот.

Приор. Я чуть не выговорил его фамилию вслух, когда он рывкнул на бойца у дальнего поворота. В «Северном» полковник погибнет через три года — так было в первой жизни. А здесь торчит его куртка, скрипит рация, два подчинённых поспешно уступают дорогу. Со стрельбы я помнил его схемы, и они могли нас выручить. Однако сейчас он сам вывел операторов к этому коридору и снял людей с ближнего поста. Я проследил за двумя уходящими спинами. Куда их гонит? У портала он сегодня распоряжался иначе, чем у бункера на учебной схеме.

За Приором стояли шесть автоматических турелей. Шесть лучевых модулей «Лекс-4» на поворотных станках. Сектор прострела перекрывал весь тоннель. Ни один человек не мог пройти через него живым.

Я отсчитал станки по нишам и снова вернулся взглядом к первому. Ствол отвёрнут от входа. Второй тоже. На учебной схеме они перекрёстно запирали ближайший проход, здесь же все шесть ловили дальний тоннель. Я прижал тетрадь через куртку: линия к portalу, вот куда они смотрят. Приор готовил огневой коридор не для тех, кто ползет в бункер снаружи. Я покосился на наших: мы как раз выбирались изнутри.

Кому ещё предназначались эти стволы, спросить у полковника не получалось. Зато отвечать им через несколько минут придётся нам. Я убрал щёку от стекла, уступая место Катиному объективу.

Катя подползла ко мне. Её камера была включена. Объектив поймал отражение в стекле.

— Что там? — Катя уложила камеру на край фильтра, прижала корпус рукавом, чтобы не звенел.

— Тупик, — я показал ей шесть ниш, потом монтажный карниз над ними. — Но мы найдём выход.

До этой камеры девятка добралась. За нами остались запертые коридоры и Тимур с двадцатью людьми; снаружи пока никто не повернул головы в нашу сторону. Я хотел удержать эту тишину хоть на один вдох. За фильтром оператор обошёл станок, проверил крепление. Шесть стволов между нами и выходом, а Тагир уже прислушивался к преследователям сзади. Задерживаться больше было негде.

Глава 91

У решётки я прижал спину к бетону, чтобы хоть на минуту снять вес с ног. Вентилятор бил в позвонки через куртку. С одной стороны кожуха тянуло холодом тоннеля, с другой ещё выдувало жар из бункера. Правые пальцы онемели до костяшек; подвёл к ним левую, ощупал повязку. Та мокрая, но держится. После растяжек и воронки хотелось опустить пику на пол и больше не поднимать. Не получится: за стеклом «Лекс-4», а схему этого створа я ещё помню. В дневнике лежит выходной сектор. Стрельбу надо вынести туда же, пока могу назвать цифры без чужой подсказки.

Сектор прострела «Лекс-4».

Эти цифры сидели в черепахе как заноза, чистые, отполированные двенадцатью годами первой жизни. Шесть стволов. Два наёмника-оператора в боковых нишах, правая выше левой на полметра. Мёртвая зона под верхним краем щита. Цикл облёта — четыре секунды. Пауза для перезарядки тепловизора — восемь десятых. Если идти по схеме, у тебя есть окно в двадцать две секунды, чтобы проскочить створ и нырнуть за бетонный пилон перед второй турелью.

«Примените — сотрётся». Я сам себе повторил это, посмотрел на кота, выглядывавшего из внутреннего кармана, и накрыл ладонью Катину камеру. Она повернула ко мне голову. Объяснять некогда: отвёл объектив к кожухам, продиктовал углы и паузы, потом попросил захватить ниши. Старую карту я помнил, но нынешние ярусы с ней не сходились; запись лежала под рукой, её можно было сверять по ходу. Со стрелковой установкой сделаем то же, только до применения. Катя проверила индикатор и дала мне договаривать.

— Дим! — шёпот Пети резанул по ушам острее гула. Он лежал на животе слева от меня, подбородок упирался в арматуру решётки, глаза горели тем самым огнём, который я видел в нём всегда, когда он хотел сделать что-то раньше всех. — Там два ствола видно. Я полезу справа. У них там мёртвый угол.

— Лежи, — я прижал Петю за плечевой ремень к бетонному краю, голос опустил до шёпота.

— Я могу. — Он выставил здоровую стопу к нижнему проёму, пробуя, как скользнуть.

— Ты можешь, но ты не будешь. — Я удержал ремень, пока он не вернул стопу за решётку.

Петя повернул ко мне лицо, и свежая царапина на скуле потянулась вслед за улыбкой. После воронки он уже успел обидеться на собственную слабость. Удерживать за ремень долго нельзя: вывернется, полезет доказать. Я ослабил хват, но ладонь оставил на плече. Этот щуплый парень только что цеплялся за мой рукав и просил вытащить всех. Теперь предлагает себя первым. Уговорить его лежать будет труднее, чем объяснить турели.

— Смотри, — я потянул его за рукав ближе к себе, чтобы наши лица оказались в одном секторе тени. — Видишь ту нишу? Верхняя. Там оператор. Он не смотрит вниз. Он смотрит на коридор. Как только мы полезем, он нажмёт кнопку. Турель возьмёт тепло. Твоё. Моё. Василисы. Любой движущийся объект в этом квадрате сторит быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Это не мёртвый угол, Петя. Это живая мясорубка.

— И что делать? Ждать? Пока они туда не придут? — он кивнул на запад, где за поворотом уже слышался топот сапёрных ботинок. Они шли. Время кончалось.

— Мы идём, — я положил левую ладонь ему на плечо и притянул ближе, чтобы расслышал за гулом. — Но идём вместе. Ты держишь нижний угол. Я беру твою спину. Мы делаем связку.

Он сперва дёрнулся: решил, опять прижму к бетону. Я убрал нажим, повернул его к нише, давая самому рассмотреть кожух. Петя потянул шею и отодвинул щёку от мокрой решётки.

Петя перестал тянуть ремень. Он перевёл взгляд с моей пики на Тагиров щит, потом вниз, к нижнему краю проёма. Видно было, как прикидывает: куда девать ноги, откуда я возьмусь сверху. Наконец подставил ладонь под древко.

— Я подаю тебе пику? Из-под щита? — Петя подставил ладонь под древко, проверяя хват.

— Нет, пика остаётся у меня. — Снял со скобы ремонтный лом и вложил рукоять в Петину ладонь. — Лезешь под верхний кожух. Датчик сбоку тебя поймает, а ствол ниже тридцати градусов не опустится.

Петя заглянул в проём и показал пальцем нижний привод. Я кивнул.

— Вот туда вклинишь лом. Руки внутрь не суй, их там перекусит. Тагир! Щит по полу, на соседний канал. Я с карниза зайду сверху.

— На полу не бросать? — Тагир повернул щит ребром, пробуя, пройдёт ли край.

— Держишь до Петиных ног. Когда окажусь в створе, пойдёшь за мной.

Петя перехватил лом под головкой, потянул на себя, прикинул усилие. Смешно короткая железка рядом с моей пикой; зато пролезет под кожух, где длинным древком нечего делать.

Петя провернул лом в ладонях, пощёлкал головкой о собственный сапог и перестал. Готов. Тагир тоже подвинул щит к проёму, откинул с его нижнего края кусок проволоки. Я поглядел на этот край: между ним и стволом придётся жить Петиной спине. Щит должен успеть раньше соседнего датчика.

— На него смотри, — сказал я Тагиру. — Не на меня.

Тагир поднял бровь, потом кивнул. Можно было отпускать лом.

— Ладно, — Петя спрятал зажигалку поглубже, перехватил лом у головки. Усмехнулся. Криво, но честно. — Только если я первый удар получу, ты мне потом бутылку воды отдашь.

— Обещаю. — Я коснулся фляги на его разгрузке, подвинул ближе к здоровому боку.

Катя поднялась на колено, придерживая камеру обеими руками. Объектив теперь смотрел на нас. Палец у кнопки дрожал так, что я невольно полез поддержать корпус, но она отодвинула его на сантиметр: не мешай. В кадр должны войти и Петя с ломом, и мой карниз. Я наклонился к ней, чтобы не кричать через вентилятор.

— Катя, — я наклонился к её уху, придерживал край камеры, чтобы не ударилась о фильтр. — Снимай всё. Каждый выстрел. Каждую рожу. Схему до применения тоже снимай. Если Система заберёт её, на записи останется. Если мы умрём, пусть мир увидит, как мы умирали правильно. И кто нажимал кнопки.

Катя кивнула, подвела ремень под локоть и проверила экран. На нём аварийная лампа выжгла белое пятно. Она отвернула объектив на ладонь в сторону, поймала моё плечо и верхний кожух.

— Не стой ко мне спиной, когда будешь цифры говорить, — прошептала. — Вентилятор половину сожрёт.

Я подался к микрофону, ещё раз повторил угол и паузу. Она подняла большой палец. Теперь в её кадре оставалась схема, с которой мы полезем, а не только наши мокрые лица.

Убрал тетрадь поглубже, пошевелил пальцами в фиксаторе. Он держал правую жёстко, и разминать там было нечего. Левой размял запястье, перехватил пику, пощупал все три замка. Муфта сидела плотно, усиленный стальной штырь не гулял. После воды металл скользил; вытер середину рукавом, снова провернул древко. Двенадцать лет на жердях оставили технику; для этого круга мне хватало места между карнизом и нишами, которые я видел перед собой. Хват под круг помнил без цифр. Катя поднесла микрофон, и я повторил ей оставшийся расчёт до первого шага — потом проверить его в голове уже не сумею.

Петя растянул мышцы ног. Он потянул растёртую ступню, поморщился, но не стал жаловаться. Он готовился прыгать в ад. Стёпа, связист, сидел позади, держал свою рацию над водой. Глушитель с помеченным модулем остался у пустого люка. Василиса проверяла бинты

из общей аптечки, её руки тоже были спокойны, профессиональны. Лёва и Тагир стояли у стены, готовые бежать за нами.

В просвете сверкнуло синим; привод щёлкнул, ствол вернулся назад. Я прислушался к следующему щелчку. Четыре секунды. Тагир потянул щит ближе к полу, Петя разлёгся перед ним и сунул лом под грудь.

— Стопу не забудь, — напомнил я.

Петя сердито выставил здоровую. Можно лезть вверх. Первая скоба шаталась, на второй держался сварной шов; перенёс на неё вес и задержался, глядя, как сенсор завершает очередной круг.

Три, два, один — показал пальцами левой. До этого поднялся на монтажный карниз, закрепил пику за спиной, проверил путь для прыжка. Петя смотрел снизу. На третьем пальце я кивнул ему.

Он скользнул вперёд, как вода. Быстро, бесшумно. Его фигура растворилась в тенях под решёткой. Я ждал. Секунда. Две. Три.

Снизу бухнуло. Петя приземлился на бок, проскользил по бетону и втянул ноги под верхний кожух. Я зажмурился на миг — так хотелось помочь ему собственным плечом, будто отсюда можно подтолкнуть дальше. Но он уже оказался в рассчитанном треугольнике и повернул голову, проверяя, успевает ли Тагиров щит.

Мгновенно тишина взорвалась.

Не криком. Щелчком.

Верхняя турель пошла вниз со скрежетом, и Петя втянул голову в плечи. Прижался к основанию колонны так плотно, что я перестал видеть его лицо. Датчик поймал тепло, но ствол уже упёрся в ограничитель. Петя протиснул лом в привод, обеими руками дожал рукоять. Тагир подал щит по полу. Щит задел его сапог; Петя подвинул ногу и успел накрыть плечом ладони до того, как соседний канал довернулся к ним.

— Дим! Пора! — Петя прижался к колонне, уступая мне проход сверху.

Я отвёл древко от затылка, нащупал центр тяжести.

Уперевшись ногой в скобу, подтянулся левой на верхнюю кромку монтажного балкона. Мышцы ног горели после скоб. Правая рука отзывалась тупой болью, но левая уже перехватила пику у середины. Древко больше не било по позвоночнику: я снял его с ремня перед прыжком.

На карнизе подошва съехала к краю. Я прижал пятку к скобе, выровнялся, оглядел створ снизу вверх. Пять метров между пилонами, три по высоте, десять в длину. Достаточно, чтобы разогнать круг; слишком много, чтобы просто пробежать. Подо мной вдоль бетона полз край Тагирова щита. Следующая турель развернула сенсор. Я поправил левый хват и дождался, когда он уйдёт к Пете.

Три ниши слева, три справа. У ближайшей изоляция проводов свисала за кожухом, а поворотный узел оставили открытым. Взял его взглядом и сразу перевёл на следующий. Тот выше.левой хватит дотянуть круг до обеих опор, правой — только придержать древко у корпуса. Датчики двигались за Петиной спиной; мне нужно попасть между этим движением и командой оператора.

Петька был внизу, живой, целый, но загнанный в угол. Один из операторов в правой нише высунул голову. Молодой парень, лет двадцати, с коротким ежиком волос. Он увидел ноги Пети, торчащие из-под щита, и дёрнулся к панели управления.

— Нет, — я развернул пику поперёк ладоней, готовя первый удар к пальцу оператора у переключателя.

Ждать команды было некогда.

Перехватил пику. Развернулся корпусом и ударил вниз, серединой древка, вместо выпада остриём.

И запустил вращение.

Толкнулся ногами, повёл плечо за пикой. Правая ладонь придерживала древко, левую я отпустил чуть дальше по мокрому металлу и снова сжал. Концы загудели, набирая ход. На жердях первой линии я доводил этот переход до содранных пальцев: открытый привод, следующий, ещё выше. Круг передавал удар по нишам, а корпус следовал за ним. Попробуй остановить сейчас — потеряешь всё, что уже набрал. Подо мной оператор тянулся к переключателю; я добавил поворот бёдрами, не давая ему закончить.

Тепло моё датчики видели. Зато ближний кожух заслонял меня от первого ствола, дальние доводились к Петинной спине. Я входил в этот сдвиг из верхнего яруса. Операторы уже видели движение, но чтобы собрать шесть каналов заново, им пришлось бы оторваться от Пети. Вот эту секунду я у них и отнимал.

Я шагнул вперёд.

С монтажного балкона я прыгнул вниз. Прямо в центр створа.

В полёте продолжал вести круг. Монтажный карниз ушёл выше головы, бетон слева приблизился, и я подвернул плечо, чтобы край древка не зацепил пилон. Первый привод уже попал под наконечник. Петин щит оставался внизу — на миг увидел его затылок и заставил себя смотреть дальше, туда, где придётся перехватывать пику после удара.

Левый нижний ствол получил первым. Металл звякнул так звонко, что заложило ухо. Станок подался на креплении, я продавил круг корпусом и почувствовал отдачу в обеих ладонях. Из гнезда вывалился ствол с хвостом проводов; один зацепился за рукав оператора, потянул его к разбитой панели. Тот отшатнулся с криком, бросил кнопку. Я уже уходил от левой ниши — новый удар налетал с правого плеча.

Развернул круг к правому среднему. Наконечник вошёл в зазор подъёмного механизма, и древко повело за шестернёй. Я добавил корпусом, вывернул её из посадки. Ствол задрался в потолок и там заклинил. За спиной что-то грохнуло — первый кожух наконец оторвал последнее провода. Правый ещё сидел в креплении; дождал поворот, пока опора не треснула, и вырвал его за собой.

Левый верхний висел прямо над Петинным укрытием. Я перевёл пику горизонтально, поймал наконечником открытый узел. Лом в приводе дёрнулся, Петя успел убрать пальцы. Шестерни высыпались ему перед сапогом; он отшатнулся под щит, а ствол провис носом вниз. Больше в Петину спину этот не попадёт. Следующий уже разворачивался выше моего плеча.

Четвёртый привод встретил середину древка, пятый — наконечник после перехвата. Отдача шла в локти, пол скользнул под ногой. Я шагнул вслед за кругом, переносил его к нижнему правому и вдруг стукнул в сплошной металл. Щит снизу. В старой схеме оставляли привод открытым; здесь его прикрыли. Пике отшвырнуло назад, вместо хруста зубьев я услышал звон по листу.

У шестого щита круг дёрнуло. На долю секунды древко захотело вырваться из левой ладони, и я прижал его правой, не давая сменить ось. Пять приводов разбиты; шестой держится, зато правый оператор лезет из ниши. Он встал мне поперёк перехода. Сдвинул левую ближе к середине, повернул тупой конец навстречу его лицу. Остановиться, выдохнуть, выбрать отдельный удар мне бы уже не дали.

Правый оператор выскочил из дальней ниши, вытянув руку к панели. Левый остался у своей; Василиса взяла его на стрелу, и я краем глаза видел, как он отдёрнул пальцы от пистолета. На правого стрелу переводить некогда. Он оказался перед моей пикой, вскинул плечо, закрывая лицо. Я довёл тупой конец туда же — между его рукой и панелью.

Ударил усиленным комлем в лицо. Оператор отлетел в нишу, по полу потащился сорванный кронштейн. Я успел увидеть, как он подставил правую руку, пытаясь не врезаться в станок. Железо придавило её. Он закричал, захлебнулся кровью, но лежать спокойно не собирался — здоровым локтем уже толкался от панели. Добить бы. Нижний правый ствол доворачивался ко мне, и я перевёл пику обратно к нему.

Нижний правый ствол ещё двигался. Добавленный щит принял первый удар, датчик поздно вылез из-за края и поймал меня уже после поворота. Я успел увидеть синюю точку на мокрой куртке. Привод щёлкнул — совсем рядом, у правого бока. Ротор шёл дальше, выдернуть корпус из сектора было поздно.

Пучок света, синий, раскалённый, выстрелил мне в бок.

Бок обдало жаром. Запахло горелой тканью; боли ещё не было. Кожа вспухла. Мышцы сократились. Я закричал, но крик ушёл в гул турели.

От попадания меня скрутило. Круг не остановился, и я пошёл за ним, зажав древко до боли в левой ладони. Наконечник налетел на кожух нижнего правого. Продавил его корпусом, разломил край, вышиб оптический сенсор из амбразуры. В ладони ударило сильнее, чем от пяти прежних станков; потерплю, лишь бы этот больше не стрелял. Синяя точка погасла. Я довернул пику от Петиной головы, опустил тупой конец в бетон и удержался на нём.

Тишина.

Настоящая, оглушающая тишина, нарушенная только моим хриплым дыханием и капающей кровью.

Я упёр пику в бетон. Колени хотели согнуться; переставил ногу к пилону и держался, глядя вниз. Шесть разбитых турелей, оборванные провода и лом, торчащий из верхнего привода. Возле него шевельнулся Петя. Локоть, второй, белое лицо над краем щита. Он выползал сам. Пока я смотрел, успел подтянуть ноги и обернуться на меня. Здоровый сапог скользнул, он выругался. Вот за это ругательство я сейчас отдал бы ещё и второй бок.

— Ты... ты это сделал. — Петя вытянул лом из развороченного привода, упёрся им в пол и выбрался из-под кожуха. Прежде чем встать, потрогал заклинивший ствол головкой лома.

— Ещё нет, — я упёр пику комлем в пол, удерживая себя у пилона. Боль в боку начинала приобретать форму. Ожог третьей степени. Или четвёртой. Я не знал точно. Мне было плевать. — Беги.

Отряд рванул вперёд. Катя первая, с работающей камерой. Стёпа держал рацию. Василиса помогла Лёве: его контузило, обломок кожуха прорвал ткань у старого бинта на бедре. Аким подхватил с другой стороны. Затем Стёпа сменил Василису у подстилки; они с Акимом пропустили две ременные петли под плотной тканью Лёвиного плаща, подняли его за концы. Лёва сел в эту подстилку, сам прижал сумку с журналом. Тони светил под ноги, Тагир нёс щит последним.

У пилона Аким опустил свой конец подстилки, Стёпа вслед за ним. Лёва вытянул больную ногу, отпихнул сапогом кусок провода. Связист заметил операторскую сумку: потянул за ремень, вывернул возле пилона. Тони подсветил, и я увидел три капсулы.

— Целые? — Стёпа вытер ладонь о штанину, ещё не решаясь брать.

— Дай свет.

Я протёр метки, повернул корпуса. Две Е, одна D, трещин на защитных оболочках не видно. Убрал по одной в отдельный карман.

— В журнал? — Лёва уже держал карандаш, но ждал моего ответа.

— Три. Операторская добыча.

Он записал, придерживая страницу сумкой. Стёпа заглянул в пустую укладку, вывернул её ещё раз и бросил. Взялся за конец подстилки. Я прижал капсулы через ткань, проверил, не попали ли к ожогу: теперь есть чем платить за следующий рывок.

За бетонными пилонами Тагир снова развернул щит. Коридор расширился, по стенам мелькали наши фонари, а выше, в конце, торчала аварийная лестница. Я хотел проверить верхний марш, но взгляд сперва зацепился за красные точки. Один сапёр сидел у основания, другой возился с проводом над ним. Пока мы ломали станки, эти успели разложить заряды у выхода.

На нижнем марше блеснула пряжка сапёра. Я машинально попытался подставить её в схему «Лекс-4» — проверить, достанет ли остаточный сектор. И не нашёл схемы. Только что

знал её до восьмой десятой секунды, а теперь даже назвать угол не смог. Разбитые кожаные лежали за мной, мои удары я помнил. Тактического пакета в голове больше не было.

Перебрал мысленно стволы: нижний левый, правый средний. Помнил, как вырвал опору, как заклинил шестерню. А сколько заряда оставалось уцелевшему сенсору до попадания? Пусто. Я опёрся плечом на пилон, перевёл дыхание. Система взяла знание целиком; нынешний бой оставила, старые расчёты вынула вместе с углами и временем перезарядки.

Попытался начать с учебных стрельб, с голоса инструктора, и опять упёрся в провал. У насосов я ещё мог сравнить карту с нынешними стенами. Здесь даже сравнивать было нечего: углы и паузы больше не вспоминались. Сейчас зацепиться можно было только за Катину запись. Она ещё шла впереди, и мне пришлось окликнуть её, прежде чем она ушла из-под пилона к лестнице.

— Дима? — Катя остановилась, обернувшись. Она видела моё лицо. Видела, как я бледнею. — Что случилось?

— Данные, — я прижал тетрадь через ткань кармана, остановился за пилоном. Голос звучал чужим. — Я потерял данные.

Глава 92

— Какие данные? — Катя протянула экран, но я отодвинул его от бока. Куртка там прилипла к коже, и касаться её сейчас не хотелось. Она опустила корпус, оставила объектив на моём лице.

— Турели помнишь? — спросила, уже тише.

Я обернулся к разбитым кожухам.

— Старый пакет. Про турели. Про этот створ. — Я показал ей разбитый шестой сенсор. — Только что знал каждый угол. Сейчас спроси, сколько зарядов или есть ли резервный канал, — не отвечу. Всё стёрто.

Катя поднесла экран ближе. Я попробовал ещё раз назвать паузу и запнулся. Она убрала камеру от большого бока, отвернула экран ко мне и стала искать начало файла.

— Тогда Расскажи мне, — сказала Катя, остановив ползунок на моём расчёте перед боем. — Расскажи вслух. Для камеры.

Я посмотрел на её пальцы. Она нашла нужное место быстрее, чем я сумел признать, что в голове уже нечего искать. На экране мы ещё стояли у решётки, Петя тянул стопу к проёму. Мой голос называл цифры.

— Зачем? — Я упёрся здоровым плечом в пилон, освобождая левую ладонь для её экрана.

— Потому что камера запомнила. — Катя прибавила звук и поднесла динамик к моему уху, чтобы вентилятор не перебивал. — Ты забудешь — я найду здесь. Упадёшь — останется запись. Реестр назовёт аномалией — покажем, что было.

Она остановила мой прежний голос на середине расчёта.

— Теперь скажи, что сработало. И где они поставили новый щит. Старое не выдумывай обратно. Я включаю второй файл. Говори.

На экране стоял неподвижный кожух. Я поднял палец, указывая, с какой ниши начать.

Я посмотрел на красный глаз объектива. Вспыхнул индикатор. Запись идёт.

— Сектор «Лекс-4». Шесть стволов, двухосевое управление. Инфракрасный захват. — Дождался на экране старого расчёта, повторил цифры: — Цикл облёта четыре секунды. Пауза восемь десятых. Ниже тридцати градусов ствол не берёт.

Катя подвела объектив к неподвижному кожуху. Я показал ей щит на нижнем правом.

— Вот это добавили. В схеме не было. Ручной режим включали справа, палец оператора у переключателя я видел сам. Это уже сегодняшний бой.

Она вернулась к экрану, дала проиграть оставшийся кусок.

— Питание автономное, аккумулятор в полу. Полное отключение — через люк у центральной опоры. Код доступа неизвестен. Повторяю: неизвестен.

Последнее сказал в объектив, а не вслед за своим голосом. Пустую строку на месте кода заполнять догадкой нельзя.

Я ловил цифры с экрана, произносил и смотрел, куда Катя направляет объектив. Там, где старого знания уже не было, приходилось дожидаться собственного голоса на записи. Зато новый щит, сломанный кронштейн и сегодняшние удары называл сам. Она держала два файла отдельно: расчёт перед входом и то, что получилось в створе. Закрыть экран — и я снова не назову паузу. Но перед другим станком смогу попросить Катю открыть нужное место. Это уже больше, чем голая дыра в голове.

Закончив диктовать, опустил ладонь. Катя выключила запись.

— Спасибо. — Отодвинул экран от её мокрого рукава и придержал защитную крышку, пока она застёгивала её. Катя дёрнула застёжку второй раз, проверяя, держится ли. Сапёрский провод наверху снова хрустнул.

— Не благодарю, — она убрала камеру в подсумок. — Просто не умирай. Нам нужна твоя новая память. Та, что на бумаге и плёнке.

Я кивнул на подсумок, ещё раз коснулся тетради. Пустой старый пакет от этого не вернулся. Два нынешних файла зато можно будет унести отсюда вместе с нами.

Сапёры заметили наше движение. Ближайший привстал из-за опоры с автоматом, его товарищ выше потянул за собой провод. Они отступали по ступеням, оставляя пакеты на местах. Я придержал Тагира за щит и принялся считать огоньки. Тот у центральной балки уже мигал чаще остальных. Приор ушёл, подкрепление к станкам не пришло; а эти ждали нас на единственном выходе.

Турельный створ Приор бросил с двумя операторами. Они видели нас, пытались остановить, один попал мне в бок — назвать это подарком язык не поворачивался. Но полковник даже не вернулся на шум. Его интересовала лестница дальше. Я поднял глаза к несущей балке, потом к сапёру, отходящему по маршу. Сколько людей Приор согласен положить здесь, лишь бы мы дошли до этих пакетов?

Шаг к лестнице, и острый край пыли посыпался на Тагиров щит. Я остановился за ним. Если рванёт наверху, бетон полетит сюда же: им не придётся искать нас между разбитыми турелями. Мы сами вышли в удобное место. До балки можно добраться по маршу, если успеть раньше сапёра у провода. А обратно теперь только под стволы тех, кто идёт из бункера.

Пакеты висели над проходом, у опор. Я смотрел на них и переставал верить в простую погоню за девяткой. Для нас хватило бы растяжки поперёк первой ступени. Зачем Приору обвал? Избежать свидетелей, остановить кого-то за нами, отрезать дорогу к portalу? Всё сразу могло оказаться правдой. Но у подножия лестницы нельзя выяснять чужой замысел дольше, чем работает таймер.

Я наклонил голову, пытаюсь увидеть провод у основания. Он уходил вверх, к несущей опоре. На первой ступени никакой нити не было.

Я смотрел на красные огоньки таймеров. Они были настроены не на поражение цели в момент входа. Пакеты висели на опорах, не на первой ступени. Один таймер уже шёл, к другому сапёр ещё тянул провод. Так взрывают несущий ярус, а не отдельную ногу на растяжке.

Обвал тоннеля.

Зачем обрушать тоннель после нашего прохода? Чтобы перекрыть нам путь назад? Нет, у нас и так нет пути назад. Чтобы замедлить погоню? Тоже нет. Наёмники сами будут преследовать нас.

Чтобы отрезать погоню от кого-то другого.

Из рации сапёра донеслось Приорово «Коридор очистить». Тот оглянулся вниз, будто ему тоже не хотелось оставаться здесь после команды. Кто-то третий мог идти за наёмниками; полковник мог прятать путь к portalу. По трём мигающим точкам это не разберёшь. Большой пакет на центральной балке я видел без догадок: если рванёт, этот выход потеряем и мы, и Тимур с двадцатью за перегородкой. Я проследил провод до сапёрской руки. До неё ещё надо долететь.

Приор уже ушёл с двумя бойцами, оставив сапёрам приказ и время. Жертвовать позицией ему было проще, чем дать нам пройти к portalу.

Приор знал, где поставить людей, которых ему не жалко, и где обрушить бетон вместе с ними. С этим я и имел дело. Я повёл пикой вдоль ближайшей опоры, останавливая Тагиров щит. Он оглянулся на меня, уже приготовившись протиснуться к ступени.

— Стойте! — Поднял левую, зажал древко локтем. Тагир остановился так резко, что Петя налетел на край щита.

— Что? — Петя высунул голову к ступени, и я прихватил его за ремень. Он сердито оглянулся.

— Заряды не трогай. Сначала большой с балки.

Тагир приподнял щит, собираясь закрыть меня до первой опоры. Я мотнул головой.
— Здесь держи. Чужую погоню режут или нашу — лестница нужна целой.

Петя посмотрел вверх, снова на меня. Я отпустил ремень: теперь не рвётся.

— А если ошибаешься? — Лёва потянул к себе сумку, упёр её в здоровую ногу. Голос хрипел.

— Тогда мы умрём вместе с теми, кто идёт следом. — Показал ему цифры на большом пакете. Лёва прищурился, подтянул журнал к животу. — А снимем сейчас — выйдем. Потом спросим у Приора, для кого коридор.

— С него спросишь, — буркнул Лёва. — Ещё попасть надо.

Я не ответил. Зато знал, что с его стороны больше не потянут меня обратно. Стёпа уже поднял рацию к губам, готовился передать Тимуру путь, если я найду его за лестницей.

Я посмотрел на лестницу. На мигающие огоньки. Время шло. Четыре минуты до подхода основных сил наёмников. Две минуты до возможного подрыва.

Два шага до первой ступени. Дальше три чужие руки, три пакета и автомат ниже. В обычном темпе доберусь только до первого — остальные успеют соединить провода. Я согнул пальцы правой. Боль отозвалась у локтя. Если сейчас просить у неё ещё скорости, хват оборвётся раньше, чем я попаду на балку.

Три капсулы лежали в отдельном кармане, и после ожога я ещё чувствовал их тепло через ткань. Операторская добыча: две Е, одна D. Вытащил все три, подставил левую под дрогнувшую правую. С виду обычный товар для барыги у портала. Если проглотить нестабильные ядра без стабилизатора, скорость прибавится сейчас; расплачиваться тоже придётся сейчас. Я поднял корпуса к фонарю, показывая маркировку Кате.

Проверил на свету синие корпуса. Два малых, один побольше; все пульсировали, и через мокрую ладонь шло тепло. Катя поймала маркировку, подалась камерой ближе.

Правая больше не требовалась, чтобы показать добычу. Прижал её локтем к корпусу, положил пику на сгиб левой. Неудобно: древко давило, капсулы грозили скатиться. Зато пока могу одновременно держать оружие и то, что заставит его двигаться быстрее.

Две минуты, если ядра вообще пустят в форсаж. Я взглянул на дрожащие пальцы правой и отвернул ладонь от Петиного лица. Ему достаточно было видеть ожог; цену за связки он услышит, когда Система перечислит условия.

Петя стоял рядом с щитом и не отводил взгляда от капсул. Катя удерживала камеру чуть ниже моего лица. Василиса оглянулась на лестницу: сапёр наверху уже скручивал провод. Я поймал её взгляд, кивнул на аптечку. Она ещё не знала, что придётся делать через две минуты, но подтянула сумку ближе.

Стёпа приглушил рацию рукавом: сквозь помехи снова прошёл чужой вызов. Аким поправил Лёву в подстилке. Всем здесь было чем заняться, кроме ожидания моей красивой смерти.

Мне нужно успеть до того, как эти руки у проводов закончат свою работу. У Пети под щитом я успел. На балке скорость придётся покупать.

— Закрой глаза, — я прикрыл три капсулы ладонью, повернулся к Пете.

— Зачем? — Он поднял к моему лицу взгляд от капсул.

— Чтобы не видеть, как я делаю глупость. — Я отодвинул свою ладонь от него, оставляя между нами корпус Тагирова щита.

Он улыбнулся. Криво. И закрыл глаза.

Я поднёс капсулы к лицу. Запах озона и крови.

— Зачитай, — я поднял капсулы к свету Тониного фонаря, пальцами показывая Кате три корпуса.

И мир замер в ожидании ответа.

Щёлкнуло реле наверху. Я вскинул глаза: сапёр у основания повернулся к автоматчику, показал два пальца. Эти не долбили наш кислотный коридор — пришли отдельно, по приказу Приора минировать лестницу. Перед нами работала ещё одна его группа, пока позади гремели сапёры из бункера. Стёпа придерживал край Лёвиной подстилки, и я слышал, как раненый скрипит зубами при каждом толчке. Кровь проступила возле старой повязки на бедре, там, где кожух оставил новый разрез. Прорываться им самим по лестнице сейчас нечем.

У подножия лестницы я задержался за щитом. Старый марш поднимался во тьму второго яруса коллектора, ступени широкие, на каждой можно развернуть плечи. Автоматчик выше видел бы нас от головы до сапог, если Тагир двинется первым. Капсулы грели ладонь, пика лежала на сгибе локтя. Отсюда придётся отрываться одним движением: замешкаюсь с оружием — не поможет и чужая энергия.

— Дима, — Катя подвела камеру к краю щита; на экране мелькнул сапёр у опоры. Голос был тихим, почти шёпотом. — Трое с зарядами. Один у верхнего марша, второй у основания. Третий на центральной балке. И... ещё один ниже, с автоматом.

Прикрыл глаза, вслушиваясь. После «Подземки» слух сам выцеплял щелчки из общего гула; сейчас я заставил себя отделить реле от сухого хруста проволоки. Сапёр на балке дышал через нос, сопел с усилием, когда наклонялся к креплению. Между этими вдохами можно было услышать, как он тянет новый конец провода. Ещё не закончил. Я открыл глаза и проверил его руки по Катиному экрану: так и есть, пальцы у пакета, скрутка пока свободна.

Четыре минуты. Может, три. Может, две с половиной. Если они успеют заложить всё и уйти, лестница рухнет. Нас погребёт под тоннами бетона, или отрежет от выхода, оставив в этом каменном мешке на растерзание остальным волнам «Авроры».

Я донимал тело весь день и уже знал, сколько обычного рывка у него осталось. От щита до ступени, может, до следующей. Дальше ногу подтянет боль, кисть не удержит круг, и сапёр спокойно закончит провод. Ранг в бумагах не донесёт меня до балки. Там потребуются нынешняя скорость, та, которую можно выжать из мышц сейчас, со всеми мокрыми повязками и прожжённым боком.

Я сдвинул три капсулы к большому пальцу, прикрывая ладонью их свечение. Красиво падать буду потом. Сейчас надо обогнать три чужие руки у проводов.

Разжал пальцы. Вода на корпусах уже подсохла; запах мокрой операторской сумки смешивался с озоном. За эти две E и одну D у портала ещё можно торговаться, потом пустить в стабилизатор. Я взял бы хорошую цену. Сейчас покупатель будет один, и торговаться с ним не получится: Система перечислит срок и ущерб, мне останется принять или оставить капсулы на ладони.

Система мигнула перед глазами. Не голосом, а ощущением ледяного пальца на затылке.

«Предупреждение. Активация форсированного режима кровяного давления. Источник: ядра низкого класса. Риск перегрузки сердечно-сосудистой системы. Прогнозируемая длительность буста: 120 секунд. Побочный эффект: гарантированный механический разрыв связок правого предплечья при превышении нагрузочного порога. Принять условия?»

Сто двадцать секунд. Две минуты бога.

Лёва упёр журнал в здоровое колено, Аким держал подстилку рядом. Тони поднял фонарь выше, направил свет на капсулы. Василиса расстегнула аптечку, разобрала пальцами узел бинта; её руки дрожали, и первый конец пришлось ловить заново. Стёпа слушал рацию. Я поискал Петю и нашёл у стены: проверял зажигалку, проворачивал колёсико большим пальцем, не высекая огня. Когда заметил мой взгляд, спрятал пластик. Он ещё ждал, что я передумаю после предупреждения.

Я согнул правые пальцы до упора в фиксатор. Эта рука держала пику в настоящем ударе, а левая последние часы всё больше поддерживала меня самого. Система обещала разрыв при перегрузке — именно той перегрузке, ради которой я открывал капсулы. Может, на месяцы

останусь с одной рабочей ладонью. Может, так и не верну прежний хват. Посмотрел на верхний марш: там уже заводили провод за край балки.

Но если я не приму, нас не станет.

Я открыл три капсулы над ладонью, пустые корпуса вложил Стёпе. Он показал их Кате в кадре: две Е, одна D. Ядра пахли озоном и старой кровью монстров. Поднёс ко рту. Вкус был металлический, отвратительный, как кровь из носа.

— Дима, не делай этого, — Петя потянул мою ладонь вниз от рта. Голос сорвался. — Там есть обход. По коллектору. Мы можем...

— Нет времени на обходы, Петя, — я освободил ладонь от его пальцев, показал большой пакет на балке. — Они замкнут кольцо через пять минут. Через десять нас здесь не будет. Только кости.

Петя убрал ладонь от моего запястья. В глазах стояла злость, но поднимать голос он уже не стал. Я попросил Стёпу ещё раз показать пустые корпуса в камеру. Тот поднёс их к объективу, Тони подвинул луч. Маркировка записана, условия тоже. Теперь можно платить.

Я принял условия и проглотил первое ядро. Оно обожгло язык металлической горечью; второе пришлось проталкивать слюной. На третьем дёрнуло грудь. Сердце сбилось, я согнулся над пикой, удерживая её левым локтем. Петя шагнул ко мне, но остановился, когда я поднял голову. Удары уже сливались, быстрее и быстрее. Свет фонаря дробился на отдельные края: провод у балки, пряжка автоматчика, Катин мокрый ремень. Сквозь вентилятор прорезалось сердцебиение сапёра наверху. Спокойное, ещё не ускорившееся. Я отцепил пикку от локтя, сжал обеими ладонями. До него теперь можно успеть.

«Форсаж активирован. Таймер: 120... 119... 118...»

Две секунды ушли на первый спазм в груди. Теперь оставались сто восемнадцать, которыми я мог распорядиться. Я вдохнул, развернул пикку левой. Сапёр наверху ещё не успел вернуть руку к реле.

Правое предплечье ныло, но боль будто доносилась из соседнего помещения. Я сжал пальцы — слушаются. Пока слушаются. Система уже назвала цену; выторговать у неё скидку после боя не получится. Сто восемнадцать секунд я купил собой. Надо потратить их до последней.

— За мной, — я вывел пикку остриём от своих, выскочил из-за щита. Голос вышел хриплым, низким. — Катя, включи запись на максимум. Тагир, щит на первом пролёте. Василиса с Лёвой — в центр, Аким подхватывает, Тони светит. Стёпа у Кати. Петя, замыкаешь. Не стрелять. Просто идти.

Мы рванули.

Ступени мелькали под ногами; на очередной выступ ставил сапог уже тогда, когда глаза ещё искали его в темноте. За спиной грохотал щит Тагира. На первом пролёте он остановился, пропуская остальных под прикрытием, а я уже смотрел выше — к руке у реле.

Наверху, на втором марше, сидел сапёр. Он услышал топот, обернулся. Его лицо в тактическом шлеме выражало недоумение. Люди не могут двигаться так быстро по вертикальной поверхности. Люди не могут прыгать на два метра вверх, цепляясь за перила одной рукой.

Я ударил его плечом. Это был не удар, это была авария. Человек отлетел назад, в стену, его детонатор выскользнул из пальцев. Я не стал задерживаться. Удар ногой в челюсть, хруст пластика шлема, тишина.

Первый сапёр лежал, пульт выскользнул к моему сапогу. Я вырвал батарею из крышки. На его пакете местный отсчёт ещё не шёл; внешний командный блок снял с крепления, провода внутри взрывателя не трогал. Второй заряд был ниже, у основания лестницы. Третий — над входом в коллектор, на центральной балке. Я скользнул вниз по поручню, как по санкам, скорость была такой, что ветер свистел в ушах. Сапёр у основания увидел меня сверху вниз и дёрнулся.

Его руки уже лежали на проводах.

Я вытянул левую руку — ту, что ещё работала нормально, ту, что была моей страховкой — и схватил его за воротник комбинезона. Рывок. Я рывком развернул его к перилам, поставил сапог за стойку, не давая себе уйти вниз. Ударил коленом в грудь, вышибая дух.

Сапёр осел к перилам; я отпустил воротник и освободившейся левой вырвал блок питания из крепления на поясе. Правая удерживала пику у корпуса. Разъём наружного блока выскочил, провода искрились на контактах. На самом пакете красный счёт ещё не начался. Я оттолкнул сапёра от проводов, отделил блок от ремня, не полез резать жилы взрывателя. Тишина стала громче взрыва.

«Таймер: 95... 94...»

Третий заряд. Самый крупный. Закреплён на центральной несущей балке, прямо над входом в нижний коллектор. Если он рванёт, потолок рухнет нам на головы.

От поручня ушёл на площадку третьего яруса, с неё — выше. Прижался плечом к стене, пропустив угол у лица. Сапёр возле большого пакета не стал плясать на мой прыжок: закрылся щитом и сунул руку за пистолетом. Этого пришлось бы рубить всерьёз.

У меня не было времени на фехтование. Я выбросил пику.

Левая рука метнула древко как копьё. Оно вошло в тонкую боковую накладку щита, которую он повернул к моему прыжку, проткнуло её и застряло в плече наёмника. Он закричал — глухо, в шлем. Подскочил к нему, упёр сапог в край щита и выдернул пику. Следующим ударом выбил пистолет из его руки.

«Таймер: 70... 69...»

Правая ещё держала хват, но под кожей предплечья тянуло и потрескивало. Перенёс вес древка на левую, правой только придерживал. Пикой клонило к полу; стоило отпустить второй хват, и приходилось поднимать острие всем плечом. На следующем замахе связки уже не обещали выдержать.

Над входом висел чёрный пакет. На его красном экране шли свои секунды — до подрыва, не до конца моего форсажа. Сапёру больше ничего не требовалось соединять. Он мог отползти, прижаться к стене и дожидаться, когда нас накроет балкой.

Пика мешала взяться за стропу. Упёр её в угол площадки, потянул крепление правой, левой полез в узел. Мокрая тесьма только затянулась. Кожа скользила по ней; сколько ни дергал, петля не отпускала.

«Таймер: 50... 49...»

Глава 93

— Дима! — Петя взмахнул ломом с нижней ступени, указывая в боковой ход.

В боковом ходе, который мы только что миновали, блеснул ствол. Ещё один наёмник. Петя уже махал ломом, но автоматчик смотрел мимо него, на Тагиров щит и людей, которые теснились за ним на лестнице. Довернёт чуть левее — и прошьёт их через просвет.

Схватил пику и прыгнул от перил к нижнему выступу. Сапог нашёл опору; я толкнулся ещё раз, прямо поперёк ствола. Времени обойти сбоку уже не оставалось. Бронежилет успел закрыть ту линию, по которой сейчас шли мои люди.

Два попадания в бронежилет. Одно — в плечо. Боль была острой, но короткой, затопленной химией крови. Я врезался в наёмника всем весом, сбил его с ног, ударил кулаком в лицо, вложив в короткий удар весь разгон корпуса. Костяшки садануло болью, но новых переломов я ему не отдал. Автомат улетел в сторону.

Сапёр наверху отползал от большого пакета, поворачивая разбитый щит. Успел ли он запустить общий счёт?

Я поднялся снова. Три прыжка. Пять секунд. Заряд всё ещё висел. Я срезал размокшую крепёжную стропу ножом с пояса сапёра; второй конец поддержал левой, не дал пакету удаться о марш. Он повис на ладони. Вес был огромный. Чувствительный.

Я не стал пытаться разобрать его. Не было времени. Я отнёс его к боковой технической шахте за толстой бетонной переборкой. В дневнике она уходила в пустую сервисную секцию, не в наш лестничный ход. Проверил проём глазами, размахнул стропу левой и сбросил пакет туда. Пусть рвёт там. Пусть завалит проход наёмникам, но не нам.

«Таймер: 20... 19...»

Готово. Под несущей балкой заряда больше нет.

Я повернулся, чтобы вернуться к своим.

И мир качнулся.

Сапог поехал вместе с куском площадки. Справа лопнула стена — как раз там, куда я упирался при прыжке. Щель побежала к потолку, из неё сыпанул раствор. Пакет ещё не рванул. Это я разворотил старый бетон: форсаж разогнал мои прежние килограммы так, что опора выдержала удар, а теперь расходилась по швам.

Сверху посыпались камни. Пригнулся, закрывая затылок левым плечом. Один кусок стукнул по древку, второй разбился о ступень у ботинка. Я видел Тагира сквозь пыль — и вдруг перестал видеть: между нами легла плита, за ней повалило мелкое крошево.

Надо было вернуться туда. Перебросить пику, взобраться, дать им конец ремня. Оставшихся секунд на это не хватало.

— Петя! Назад!

Он уже стоял на верхней ступени. Держал свободный конец ремня, собирался подать мне: на плече у меня темнела кровь. Замыкать у щита я велел ему, а он полез вытаскивать меня. Под его сапогом край ступени разошёлся.

Петя прыгнул ко мне. Поймал его левой за ремень, вытянул на целую площадку; сзади осыпался край, где только что была его нога. Мы оба устали туда. Он хватал ртом воздух, я всё ещё держал его, не решаясь разжать пальцы.

«Таймер: 5... 4...»

В правом предплечье рвануло. До этого ещё удавалось держать древко; теперь кисть разжалась, и пика потащила меня вперёд. Отпустил Петин ремень, поймал её левой у середины. Плечом ударился в Петю, прижал его к стене.

Правая повисла. Попытался согнуть пальцы — ни один не шевельнулся. У самого локтя натянулось что-то тугое, болезненное, и сразу отпустило. Лучше бы не отпускало.

«Таймер: 0.»

Форсаж кончился.

Ещё секунду назад мог перескочить весь пролёт. Теперь не хватило сил поставить ногу шире: колени подломились, я сел на щебень. Перед глазами стояла краснота, за ней ничего не различал. Попробовал вдохнуть и подавился собственным дыханием. Сердце колотилось так часто, что я не мог поймать ни одного отдельного удара.

Петя присел вместе со мной. Подсунул ладонь под разгрузку, потянул к целому камню, другой стёр пыль с моего рта. Хотелось сказать, чтобы не суетился. Вместо слов вышел хрип. Он услышал его и придвинул лицо совсем близко.

— Ты... ты живой? — Он пытался поймать мой взгляд. Голос дрожал.

Я попытался ответить. Открыл рот. Из него вырвался только хрип. Правая рука не слушалась. Она просто была там. Часть тела, бесполезная, как чужая.

— Да, — я упёр пику комлем в щебень, приподнялся возле его руки. — Живой. Идём. Нужно найти выход.

В боковой шахте рванул сброшенный пакет. Толстая переборка приняла удар, в наш лаз выбило пыль. Центральная балка не легла на головы семерым: через завал Стёпа уже считал ответы, все семь откликнулись. Я слушал до последнего голоса. Не хватало воздуха ответить им так же громко, но их я пересчитал.

Мы двинулись вперёд по узкому лазу, открывшемуся после обвала. Шёл я сам, а равновесие теперь держал за двоих Петя. Он подвязал мою правую кисть ремнём к груди, чтобы не болталась; другой рукой держал меня под здоровое плечо. Я чувствовал его поддержку при каждом шаге и уже не пытался отстраниться: сейчас мне нужна была эта рука. Свет фонарей Кати и остальных был далеко, за стеной камней. Но мы слышали их голоса. Крики. Зов.

Они думали, что нас похоронило.

Пика цеплялась за стены. Перехватить поудобнее было нечем: правая висела на ремне, левую я держал под самым центром тяжести. Петя шёл рядом, подставлял плечо, когда начинало заносить. До здорового плеча тоже добралось — каждый раз, когда острое задевало бетон, меня простреливало под ключицей.

Впереди посерела решётка. Городской коллектор; сверху светил уличный фонарь. В этом свете наконец удалось разглядеть пол, а не угадывать его по бликам на воде. Ещё несколько шагов — можно будет остановиться, позвать остальных, перевести дух.

Петя отпустил моё плечо. Я распрямился и увидел человека у края света.

Он поднялся из обломков, цепляясь левой за стену. Забрало разбито, поллица в крови. Правый оператор из дальней ниши — тот, кому я снёс станок. На рукаве висел кронштейн; он притянул руку ремнём к груди прямо вместе с этим железом. При каждом шаге железка скребла по ткани.

За ним открывался сервисный лаз. Из ниши сюда можно было пролезть раньше нас, пока мы возились с зарядами. Вот он и пролез. Я слышал его дыхание, хриплое, с клочкотанием; от одежды пахло гарью так сильно, что перебивало коллекторную вонь.

Он держал автомат левой рукой. И целился в меня.

Попробовал повернуть пику. Острие качнулось, не добравшись до ствола: левую свело, а правую я уже не мог приподнять даже к древку. Автомат стоял прямо перед грудью. Наёмнику оставалось нажать.

Петя шагнул между нами.

Выстрел щёлкнул в тесном лазу. Куртка на Петиной груди дёрнулась, он попробовал втянуть воздух — и в горле забулькало. Я ещё держал пику на весу, ещё собирался оттолкнуть его за плечо. Он уже оседал.

Перед светлой щелью Петя достал зажигалку, наверху хотел чиркнуть. Теперь сжимал её, падая на колени. То самое дешёвое колёсико выглядывало между пальцами. В гаражах я успел его подхватить. Сейчас видел, как он падает, и не успевал даже вытянуть свободную ладонь.

— Петя...

Пика легла поперёк лаза, пока я перехватывал древко. Шагнул к нему; наёмник тоже двинулся ближе, опуская ствол вслед за падающим телом. Добить хотел. Вижу его левый палец на спуске, вижу кровь на подбородке — расстояние уже в один короткий удар.

Подавал комель вверх, в горло. Он захлебнулся; автомат задрался и ударил очередью в потолок. Крошка посыпалась мне на шею. Наёмник отшатнулся, выронив хват на стене. Развернул пику остриём и добил его, прежде чем он смог снова опустить оружие.

Ствол отодвинул под тело. Пусть даже палец у него ещё дёрнется — в Петю больше не попадёт. Потом бросил пику и опустился рядом с другом.

Петя лежал на спине, смотрел на меня. Я видел, как он пытается заговорить, и наклонился ниже, чтобы не пришлось тратить воздух.

— Ты... — он захрипел. Кровь шла изо рта. Розовая пена. — Ты говорил... всех... кого сможешь...

Правую держал ремень, который сам Петя только что привязал. Одной левой стянул край куртки к дырке на его груди, придавил. Изо рта выходила розовая пена. Петя сглатывал, кашлял, пробовал вдохнуть снова.

— Василиса! Стёпа! Сюда!

За щебнем откликнулись. Я назвал поворот, крикнул ещё раз, чтобы шли быстрее. Пике оставил поперёк прохода: если сейчас уберу руку с груди, кровь пойдёт свободно. Ткань уже промокла; складывал её под ладонью, всё искал сухое место и не находил.

— Я смог тебя вытащить, — сказал ему в лицо.

Сам услышал, как это прозвучало. Он лежит здесь, у меня под рукой, а я про «вытащить». Петя зацепил пальцами мой рукав. На секунду я перестал давить ткань — хотел понять, что ему нужно.

— Не... все... — Он попытался улыбнуться. — Долг... закрыт...

Нет. Смотри на меня. Пальцы на рукаве разжались, но зажигалку он всё ещё держал. Я наклонился ниже, почти коснулся его лба своим. Его взгляд больше не следил за моим лицом. Уголки губ так и остались чуть приподняты: он успел сказать про долг и ждал моего ответа.

Под ладонью грудь ещё была тёплой. Я задержал своё дыхание, слушая его. Подождал. Прижал пальцы к шее, снял, приложил снова. Пульса не было. Кожа стала скользкой от моей крови, и я вытер её рукавом, словно это мешало услышать.

Вода капала с решётки. За стеной гудела вентиляция. Стёпа звал меня, называл по имени; пришлось несколько раз заставлять себя поднять голову. Ответил, где мы, и голос ушёл в бетон, глухой, едва слышный. Он переспросил. Я повторил громче.

Зажигалку взял не сразу. Разжал Петины пальцы по одному, стараясь не смотреть на ногти. Она ещё грела ладонь. Захотелось оставить её ему, снова сложить пальцы, ничего не забирать. Но тогда у меня не осталось бы даже этой вещи. Спрятал в нагрудный карман возле дневника. Прижал карман ладонью и опять вернулся к его шее. Проверил ещё раз.

Мне нужно было спрятать его. Не бросать. Не оставлять мясом для крыс и наёмников. Если до щели доберутся раньше наших, я должен успеть убрать его с открытого прохода. Хотя бы здесь. Хоть на эти несколько минут.

Я осмотрелся. Вокруг были плиты. Тяжёлые, бетонные блоки, которыми укрепляли стены коллектора. Один из них лежал свободно, отошедший от основания. За ним чернел старый ремонтный карман; в нише ещё висела скоба трубы. Вход забило рыхлым раствором и мелким щебнем, не сплошной стеной.

Снял пику с прохода и стал разбивать раствор вокруг входа. Первый удар стёр повязку на левой ладони, второй выбил целый кусок. На третьем уже пришлось упереться в стену плечом. Щебень сыпался в воду; я сгребал его сапогом, пока не появилось достаточно места для Пети.

Сначала взял за ворот и потянул. Не пошёл: плечо зацепилось за кромку, мокрый жилет прилип к бетону. Снял свою куртку, подsunул под его спину. Теперь удавалось двигать, по ладони за раз. Останавливался, менял хват и снова тянул. Правую прижимало ремнём к груди; от толчков в ней начинало пульсировать, а я всё считал, сколько осталось до ниши.

Уложил его глубже. Поправил смятый ворот, распрямил ногу, которая осталась согнутой. Глаза закрыл большим пальцем. Долго не убирал ладонь: почему-то казалось, стоит убрать — и они снова откроются, а я не хочу, чтобы он смотрел из этой щели.

Плиту пришлось поднимать пикой. Подвёл комель под край, опёр древко о соседний блок и навалился всем боком. Плита едва оторвалась. Подтолкнул бедром; бетон заскрёб, медленно встал на ребро. Между ней и полом оставил щель под комель. Наши придут, смогут отвести обратно. Только бы наши пришли первыми.

На бетоне вывел остриём рейдерский крест. Знак для тех, кто ищет своих под обвалом: здесь человек. Ниже нацарапал две буквы.

«П.С.»

Пётр Смолин.

Спасённый в гаражах. Спасший меня в тоннеле.

Поднялся, упираясь в пику. Колени дрожали. Правую кисть держал только ремень; попробовал согнуть палец — от локтя прострелило до ногтей, а палец остался неподвижным. Система обещала разрыв связок. Вот он. Даже после оплаты ни одной лишней секунды мне не дали.

За обвалом стучали. Несколько человек переговаривались, надвигались по лазу. Я не сразу разобрал голоса. Повернулся к светлой щели, выставил пику: если опять наёмники, ближе этого изгиба не пушу.

Первой показалась Катя. Камера смотрела на меня; сама она остановилась у поворота, не сделав ещё шага. Я стоял возле плиты. У ног кровь, на бетоне крест. Катя опустила глаза к буквам, подняла обратно ко мне. Слёзы прорезали белую пыль на щеках.

Запись захватила последние движения у плиты. Выстрел она не видела: между нами тогда ещё стояла каменная стена. Я хотел объяснить, что случилось, но она уже поняла.

За ней протискивались Василиса и Стёпа, несли Лёву. Те, кто шёл дальше, остановились, упершись в них. Никто не спросил, где Петя.

Василиса подошла ко мне, подхватила правую под локоть. Кисть сползала с ремня; она вернула её на место и велела сжать пальцы. Попробовал. По предплечью прострелило, пальцы не двинулись.

— Связки, — сказала она, поддерживая кисть своей ладонью. — Рука вне строя. По кисти видно. Надолго. Возможно, навсегда.

Прямой кусок арматуры подложила под предплечье, обернула тканью, затянула ремни. Я стоял, пока она возилась со мной, и смотрел поверх её головы на буквы.

— Точнее без врача не скажу. Этой больше не тяни.

Кивнул. Катя выключила камеру, ухватила мой свободный рукав. Потянула, заставляя повернуться к ней.

— Дима. Что нам делать?

На плите оставались две буквы. П.С. Можно было бы стоять здесь до рассвета, пока камень не высохнет и не перестанет отражать моё лицо. Петя всё равно не выйдет следом.

— Мы идём, — упёр пику в пол и выпрямился под Катиной рукой. — Мы выходим в город.

Стёпа с Василисой перевели Лёву со своей ременной подстилки к стене, посадили на сухой край. Тони держал ему фонарь и сумку. Тогда Тагир поддел плиту за оставленный мною зазор, Аким удержал край.

Петину сумку Аким снял отдельно, до переноса тела: внутри оставались два неиспользованных кумулятивных заряда. Закрепил на своём ремне, отодвинув от бинтов и рации. Василиса наклонилась к Пете, проверила шею, задержала пальцы. Затем закрыла его лицо моей курткой. Я стоял, пока её ладонь лежала там. Не спросил ещё раз. На третий вопрос ответ не изменится.

Они сняли ременную петлю со щита, пропустили под курткой, вынесли его из ниши вдвоём. Ни ноги, ни голова не ударились о бетон. На стене остались П.С. и рейдерский крест — место, куда я его уложил, пытаюсь хоть что-то удержать. Теперь они не оставляли его там. Я накрыл выступавшую из-под ткани руку, пока Тагир поднимал свой конец.

Мы пошли. Медленно, гуськом, в луче фонаря Кати. Коллектор шумел, принимая нас внутрь себя.

Когда мы вышли к лестнице, ведущей на поверхность, до рассвета ещё оставалось время. Над люком серело от уличного фонаря, тучи закрывали небо.

Я остановился у последней ступени. Левая рука сжимала зажигалку Пети так, что костяшки побелели.

— Долг я тебе верну по полной, — я повернул зажигалку в сжатой левой ладони. — С процентами.

Стёпа коротко передал в рацию путь через городской коллектор к нашему люку. Тимур ответил: двадцать ждут, услышали. Восемь живых ответили здесь, у лестницы; Петю Тагир с Акимом держали на ременной петле.

— Давай сигнал, Стёпа. Сейчас. До люка ход проверен, наружу выводим за парапет, к насосной площадке. На сливе вдоль стены, друг друга на ремнях. Ильина поддерживать с двух сторон. У лестницы идти через наш лаз, не под осыпавшуюся площадку.

Стёпа прижал рацию к губам, повторил повороты и мои метки. Из динамика треснуло:

— Принял. Открываем дверь. Артур ведёт, я замыкаю. Двадцать со мной, Ильин тоже.

— Счёт у выхода. По головам, Тимур.

Связист остался у лестницы с фонарём, направленным вниз. Тони занял поворот к площадке: отсюда было видно дорогу, а из сектора бронегруппы нас закрывала насосная стена. Я прислонил пику к парапету и дождался его поднятого большого пальца.

Стёпа вызвал по рабочей частоте Женю, который держал внешнюю связь у теплотрассы. Назвал номер люка, попросил фургон. Я слышал оба голоса, пока Василиса проверяла шину. Несколько минут ждали за парапетом, со стороны дороги свет не зажигали. Затем за поворотом загудел мотор. Фургон подали к насосной площадке, вне светового сектора бронегруппы; Стёпа махнул водителю низко, у самого борта.

Из люка показался Артур. За ним выходили по одному, мокрые до груди; двое ремонтников подняли Ильина за ремни, не давая раненому плечу задеть край. Стёпа отсчитывал каждого, Тимур вышел последним.

— Двадцать, — связист опустил фонарь. — Все здесь.

Василиса присела к Ильину у насосной стены. Приподняла ткань на виске, прижала свежий бинт поверх, проверила, отвечает ли он на вопросы. Он назвал своё имя и попробовал встать; ремонтники удержали под здоровый локоть.

— До медпункта на подстилке, — велела она. — Сам не идёт. Плечо не дёргать. Если начнёт путаться в ответах — сразу по рации.

Артур с Тимуром растянули между собой его плащ, ремонтники помогли уложить Ильина. Остальных собрали у стены. Стас стоял рядом, придерживая мокрый список двумя пластиковыми пальцами. На верхней строке над расчётами прочёл: «С. Лузин».

— Лузин? — Я коснулся сухого края листа.

— Стас Лузин. Так и записывай. Людей двадцать, командиры уже внутри счёта.

Назвал ему улицы от насосной площадки до городского медпункта: по дворам за тепло-трассой, без возврата к освещённому выходу. Женя только что прошёл этот участок; подтвердил, где открыт проход, и показал Артуру поворот за глухой стеной. Стёпа записал частоту Тимура на своём списке.

— Идите туда. Раненых сдать, остальным домой. К порталу за нами не сворачивать. Тимур, доложишь, когда примут Ильина.

Тимур кивнул и поднял передний край подстилки. Стас спрятал список под куртку, подхватил чужую сумку. Проходя мимо, Ильин повернул голову ко мне.

— Сам вышел, командир.

— Вижу. Теперь дай себя донести.

Он лёг обратно. Двадцать ушли за насосную стену своей колонной; Стёпа дождался последнего и вернулся к нам. Я забрал пику. У парапета осталась наша восьмёрка и Петя на ременной петле.

Кузов открыли. Женя оставил ключ на панели, Стёпа попросил его привезти новый блок и приёмник: бункерный глушитель остался внизу. Женя кивнул и ушёл к своей внешней укладке; пока он только дал нам машину, в колонну не вставал. Тагир с Акимом положили Петю на брезент, Лёву усадили у борта. Я помог заправить куртку под Петину кисть. Пальцы больше не держали зажигалку; она лежала у меня в кармане.

Катя показала экран камеры. Последний кадр. Не бой. Не смерть.

Видео, снятое случайно, на фоне нашего выхода. Пустой складской терминал у портала. Горящая вывеска. И очередь независимых рейдеров у ворот.

Я узнал склад из первой жизни. Смотритель, журнал рейдерских заходов, ворота у самого портала. Подпись хозяина придётся купить или вынудить — это ещё не готовое укрытие. Я попросил Катю оставить вывеску крупно, вернул зажигалку в карман. Пикю прислонил к борту, тетрадь положил на своё колено. Переписал адрес левой. Карандаш дважды сорвался с мокрой страницы.

У нас был адрес. У нас был план. Кому придётся отвечать за этот выстрел, я ещё не знал; до заказчика доберёмся через ворота и журнал.

У нас больше не было друга.

Глава 94

В 03:40 остановились за штабелем поддонов у грузовой площадки. Портальная зарница на секунду выбелила краны — высокие костяки над бетонным двором — и опять погасла. В темноте слышно было, как за мной дышат люди. Восемь живых, считая меня. Пересчитал ещё раз, всё равно восемь.

Позади должен был кашлянуть Петя, щёлкнуть зажигалкой. Ещё недавно он курил у нашего костра и смеялся над моими шутками. Теперь лежит в фургоне. Час назад Тагир с Акимом забрали его из отмеченной ниши; я видел, как Тагир расправлял мокрую куртку под брезентом, закрывая лицо. Прижал нагрудный карман локтем. Зажигалка там, рядом с дневником. Некому теперь сунуть её назад и сказать, чтобы не дымил.

Шина вдавливала арматуру в предплечье. Связки порвались — сколько ни обматывай, хват сам не вернётся. Ремень натягивал повязку на простреленном плече; чуть повернулся боком, и ожог под курткой запёк сильнее. Пику держал левой. Штырь в муфте крепко соединял секции, но от этого древко легче не стало: менял хват, и повязка шоркала по стали.

В первой линии я правой мог срезать антенну с головы мутировавшего генерала, не задев глаз. Сейчас этой же рукой не поправить ремень. К черту. Здесь не генерал, здесь забор; на забор мне хватит левой.

— Тише, звери, — прошипел я и прижал древко к бедру, отводя от угла поддона.

У фургона возились с дверью. Вернулся Женя с ящиком электроники: привёз нас и Петю от люка, а потом ушёл за новым блоком и приёмником, как попросил Стёпа. Бункерный глушитель остался внизу, больше его не достанем.

Стёпа разложил схему, ткнул пальцем в стёртый пароль на копии. Женя наклонился над ней, и они принялись подключать блок вдвоём. Нас стало девять живых. Я снова пересчитал, будто от этой девятки могло что-то исправиться. Девятое место Женино. Петино по-прежнему в фургоне.

Рация Стёпы тихо треснула. Он прикрыл динамик ладонью, поднёс к моему уху.

— Тимур. У медпункта. Ильина приняли, виском и плечом занимаются. Всех двадцать пересчитал ещё раз. Остальные уходят по дворам, как приказал. Лузин уже повернул домой.

— Принял. Держи рацию, пока последний не уйдёт.

Стёпа отнял ладонь от динамика, записал время на списке. Двадцать дошли. Можно было перестать ждать их шагов за спиной. Прижал локтем Петину зажигалку и повернулся к воротам.

Перед нами высился складской терминал «Приор-Логистик». Забор из профлиста, две камеры слежения, на которые Женя уже вывел повтор последнего пустого кадра через служебную сеть. Новый глушитель на мачте гасил отдельные маячки. А за камерами — банда Лёвы Приора. С-ранг. Бывший снабженец, который выкупил охрану объекта у города и теперь сидел здесь, как паук в центре своей паутины.

На записи с поверхности я видел целые ворота, не пустые комнаты. Теперь за воротами шевелились постовые. Пустой ангар Приор держал зря, а деньги ему требовались: за ним висел долг Ткачуку, барыге с чёрного рынка. С этим кредитором я имел дело ещё в первой жизни. Приор ещё мог расплатиться; нужную фамилию мы проверим у него на столе. Я записал её в тетрадь до подхода. Прижал открытый лист к поддону, прежде чем снова взяться за пику. Этого знания хватало, чтобы перевернуть ночь.

Первым делом нужно было снять внешних. Если мы полезем напролом, поднимется шум, а шум привлечёт тех, кого я хотел видеть последними — полицию или хвост «Авроры».

— Женя, сигнал, — приказал я тихо, показав остриём на автобус у ворот.

Женя-электронщик, маленький, нервный парень с вечными пятнами канифоли на рукавах, кивнул и достал планшет. Женя заранее проверил служебную сеть. Теперь он подменил внутреннее сообщение диспетчера: «Водитель автобуса ждёт ведомости в кабине. Обоим постовым явиться с накладными». Старый пароль пустил Женю на один служебный маршрутизатор. Я подсказал, где у этого склада держат бумажную ведомость: в первой жизни сам таскал её ночному начальнику.

Через пять минут двое постовых на въезде засуетились. Они переглянулись, кто-то схватил рацию, и оба побежали к служебному автобусу, припаркованному у ворот. Один нёс папку, второй шёл с рацией. Их маршрут подтвердился; Тагир махнул из тени. Аким спрятал под куртку два оставшихсякумулятивных заряда из Петиной сумки, чтобы не зацепить их за лестничные кожух. Взрывать вход мы сегодня не собирались.

Остался один. На вышке. Старательный дурак, который решил, что его обязанность важнее приказа шефа. В синем свете мониторов было видно, как он держит оружие поперёк колен. На лестницу смотрел чаще, чем на экран; к такому просто с накладной не подойдёшь.

Тагир стоял рядом, удерживая щит под грузовой стропой. Глянул вверх, на освещённую лестницу, и покачал головой.

— Там узкий проход, командир. Снимет.

— Не снимет. Потому что я знаю этот код.

Отвёл его щит из света и показал, где ждать. Отсюда наверх шли ступени, по которым в прошлой жизни таскал ведомости для «Авроры». Я помнил эту вышку: смазка на перилах, скрип третьей ступени, обязательный стук снизу, прежде чем поднимешься. Щёлкали как замком, только в обратном порядке. Новичок простучит прямо — получит ствол в лицо. Своего выходили встречать.

Пику положил на землю за поддоном. Подобрал камень, подошёл к основанию и ударил по металлической лестнице. Тук-тук. Подождал. Тук.

В будке перестали шевелиться. Потом скрипнула дверь, закрипели ступени. Постовой шёл один, проверять правильный код. Из освещённой будки вниз в тень он нас не видел.

Тагир пропустил его последнюю ступень и вышел сбоку. Аким с другой стороны ударил рукояткой под дых. Охранник согнулся; второго короткого удара хватило, чтобы ноги подломились. Тагир удержал за ворот, не дал лицом ткнуться в бетон. Уложили в грязь, связали, вложили в рот сложенную тряпку.

Аким снял поясной подсумок и протянул мне защитную капсулу. Внутри голубело целое ядро Е-класса. Пустой подсумок оставил возле хозяина. Я убрал добычу в нагрудный карман — теперь там лежало настоящее ядро, а не пустые форсажные корпуса, которые отдал Стёпе. Забрал пика из-за поддона.

За внутренним контуром ещё спали семеро ночной смены. Из бытовок доносился храп; никто к дверям не подходил. Приор дремал выше, в офисе. Мы двинулись вдоль стены. Лом щёлкнул в замке, и Тони поймал дверь, прежде чем она смогла стукнуть по бытовке. Вошли по одному, оставляя за собой спящих.

Кабинет Приора встретил нас запахом дешёвого табака и пота. Приор проснулся и рванулся к оружейному ящику. Острие я уже подвёл к крышке; он глянул на него и убрал пальцы, пока я их не проткнул.

— Тихо, хозяин, — сказал я, подходя ближе. Шина на правой руке мешала двигаться естественно, и я надеялся, что он примет это за неуверенность. Или за слабость. Мне было всё равно, лишь бы он говорил.

Приор был крупным мужиком, с рябым лицом и брезгливо оттопыренной нижней губой. Глаза бегали. — Ты кто такой? У тебя есть ордер?

— У меня есть долг, — ответил я, остановив острие над щелью оружейного ящика. — Ткачук передаёт привет.

Приор отнял взгляд от пики. Смотрел теперь на меня и медленно прижимал растопыренные пальцы к столу. Три недели назад у него кончились деньги, а долг никуда не делся. Я видел, как Ткачук взыскивает просроченное: после него люди считали монеты здоровой рукой.

— Это ошибка, — прохрипел Приор, прижимая конверт ладонью к столу. — Я переведу завтра...

— Завтра будет поздно, — перебил я и накрыл его конверт краем договора. — Я даю тебе шанс. Живи. Работай.

Я положил на стол Е-капсулу, снятую Акимом с внешнего постового. Под ней оказался красный конверт с уведомлением: «Получатель: Ткачук». Я перевернул его фамилией к Приору. Долг ещё существовал. Одно трофейное ядро Е-класса пошло ему как аванс. Оно светилося мягким, успокаивающим голубым светом. Для обычного человека — игрушка. Для Приора — зарплата за квартал вперёд. И возможность пережить следующую встречу с кредитором.

— Ты остаёшься смотрителем, — сказал я, положив перед ним два экземпляра субаренды двора, ворот и пустого ангара. — Терминал теперь мой. Ты ведёшь журнал, встречаешь клиентов, не лезешь в мои дела. Согласен?

Приор смотрел на ядро, потом на меня. Он смотрел исподлобья, будто примерялся плюнуть мне в лицо, а капсулу пододвинул к себе дрожащими пальцами. Он протянул руку для рукопожатия.

— Да, — выдавил он, подтягивая к себе оба экземпляра и Е-капсулу.

Приор прочёл перечень помещений, поставил подпись на обоих листах. Катя снимала его руку, пока я забирал наш экземпляр. Пик у передал Тагиру и только тогда пожал Приору руку. Моё левое предплечье горело огнём, правая висела плетью, зажатая в шине. Я ещё улыбался ему, а он уже смотрел под стол. Левая ладонь исчезла за свисающей тканью; оттуда донеслось шуршание, потом заскреб карандаш. Почти терялся в гудении холодильника, но я стоял близко и слышал.

Что пишет, отсюда не разглядеть. Долг подсчитывает? Жалобу? Катя подняла наш экземпляр к телефону, задержала кадр на Приоровой подписи. Этого мне пока хватало.

— Свою копию не потеряй. — Наклонился к нему, ещё удерживая ладонь. — Если жалобу пишешь, приложи. Пусть читают весь договор.

Карандаш остановился. Приор вытащил его из-под стола, положил на папку.

— Хорошо работаем, Лёва. Начинай с утра.

Выпустил его руку и забрал пик у Тагира. Снаружи уже светлело, над кранами тянулась ржавая полоса рассвета. Пока мы возились с договором, ребята занялись периметром. Женя забрался к мачте, пробовал разнести глушитель и приёмник так, чтобы слышать «Аврору», не заглушив себя вместе с чужими маячками. Внизу Тагир с Акимом устанавливали ловушки у боковых въездов.

Контейнеры с кислотными отходами разлома нашли на складе Приора, сверили маркировку и закрыли под кожухами. Главную колею оставили чистой: караваны пойдут здесь, врага потянет к незакрытым бокам.

Я поднялся на крышу склада. Отсюда весь терминал был как на ладони. Меловая пыль летела в лучах восходящего солнца.

Внизу, у главных ворот, остановился первый одиночка. Рейдер-неудачник, судя по поношенной броне и грустному взгляду. Он прочитал надпись, которую Тони только что вывел по моему приказу. Надпись была простой. Никакого названия компании. Никаких красивых слов о союзе независимых. Только счёт.

«ПРОХОД: 1 ЯДРО С ВОСЬМИ».

Одиночка постоял, почесал затылок, посмотрел на закрытые ворота, потом на Приора, который вышел навстречу с каменным лицом. Они о чём-то поспорили. Приор указал на журнал. Одиночка вздохнул, выложил из грузового подсумка восемь маленьких капсул. Приор

пересчитал их, занёс восемь в журнал и оставил одну на стойке. Семь рейдер забрал. Первое оплаченное ядро светилось на столе у входа. Ворота открылись.

У меня впервые за долгие годы было не просто убежище. У меня была вывеска.

Женя окликнул меня с мачты. Его голос звучал странно, напряжённо. — Командир! Тут кое-что интересное.

Я спустился по лестнице, придерживаясь за перила левой рукой. Правая оставалась на ремне шины, бесполезная для перил. — Что случилось? — Я поставил пику к стойке мачты и освободил ладонь для планшета.

— Приёмник рядом с глушителем поймал не сигнал маячка, — Женя крутил в руках планшет, экран которого мерцал белыми полосами помех. — Это переговоры. Крупные. Много каналов.

Я взял планшет. Сквозь шипение проступали голоса. Грубые женские команды, звук работающих двигателей, скрип телег.

— Марьяна Швец, — прочитал я вслух имя, всплывшее в открытом канале, и вернул планшет Жене экраном к карте.

В-ранг. Инвалид первой волны. Женщина, которая никогда не платила за проход и всегда забирала своё кровью.

— Она идёт сюда, — сказал Женя, проведя ногтем по маршруту на экране. — С утра. Её караван на горизонте портала. Четыре часа пути.

Глянул на часы. Четыре часа — успеем развернуть пост, но отоспаться уже нет. Наш экземпляр субаренды Катя убрала в папку. Швец в такую бумагу и не заглянет, если захочет проехать через ворота.

Забрал пику от стойки мачты. Предплечье болело, зато теперь у меня были ворота, за которыми можно встретить Швец, и журнал, куда она ещё поставит подпись. До этой минуты мы только выживали. Посмотрим, что получится, если начать брать плату.

Горизонт над порталом светился грязно-жёлтым, как старый синяк на чужом лбу. Я стоял у ворот, прижимая пику левой рукой к боку. Правая висела плетью в самодельной шине из арматуры и тряпок, но даже через повязку я чувствовал, как связки тянет от холода.

— Едут, — сказал Женя. Он сидел на корточках у щитка, сунув наушники под каску. — Четырнадцать телег. В открытой ведомости — шестьдесят четыре ядра груза. Тяжёлый ход. И тишина странная. Никто не орёт матом по рации. Значит, командир серьёзный.

Марьяна Швец ехала не торопясь. Головная телега остановилась в тридцати метрах от наших ворот, и из неё вылезла женщина в железном корсете. При подъёме металл скрипнул. Она оперлась на палку с набалдашником из слоновой кости, выпрямилась; сварные полосы корсета держали спину. В этой штучке просидеть весь путь — и всё-таки выйти первой. Я убрал острие чуть в сторону, чтобы никому не пришлось в голову, будто жду калек, которую легко ткнуть.

Из телег выбирались её ребята. У старших лица в рубцах от кислотных брызг, молодые первым делом задирали головы к вышке. На мачту с глушителем смотрели долго. Хорошо, заметили. Теперь осталось убедить, что мы не просто поставили железку и нарисовали цену.

Марьяна дошла до арки, прочла: «ПРОХОД: 1 ЯДРО С ВОСЬМИ». Меня оглядела следом, от шины до ботинок, задержавшись на левой руке. При таком взгляде хотелось либо выпрямиться, либо сразу назвать цену подешевле. Выпрямился.

— Побор, пацан? — Набалдашник ткнулся в меловую строку. Голос хрипел, будто вся пыль Разлома осталась у неё в горле.

Передал пику Тагиру, достал кальку из внутреннего кармана. Разложил на крышке старого ящика у въезда, пригладил загнувшийся край. Здесь были вторые пасти портала: где возникает выброс, где остаётся безопасный подход. Сто метров от точки раскрытия — ближе с телегой нельзя.

Расчёты первой жизни перенёс в тетрадь после возвращения, при живом Пете. Сегодня Женя сверил по нашей записи край выбросов; я нанёс поправки на кальку. Старое знание давало участок поиска, но телегу я собирался вести по сегодняшним отметкам на бетоне.

Марьяна склонилась над ящиком. Глазами прошла по линиям, потом нос дёрнулся, будто учуяла подвох. Палку положила кончиком на лист.

— Нарисуешь мне карту, — сказала она, придавив палкой край кальки, — а я тебе кровь сдавать буду? У нас тут свои правила. Кто первый пришёл, тот и хозяин поля. А ты тут второй день торчишь. Может, мне тебя просто растащить на запчасти и пройти бесплатно?

Ребята за ней засмеялись. Вразнобой, лениво: слышали уже такое, привыкли, что после угрозы платить не требуется. У меня за спиной кто-то ругнулся. Женя стянул один наушник и подошёл к плечу.

— Дим, давай пропустим их даром. Они нас порвут. Четыре снайпера на крышах уже видны. Мы не потянем такую осаду без потерь. Зачем нам её восемь ядер, если мы потом хоронить будем троих?

Посмотрел на крыши. Женя прав: стрелки уже заняли места. Если сорвёмся на бой, терять будем людей, не краску с ворот. Только вслед за Швецем сюда приедет другой караван, спросит, почему ей бесплатно, а ему нельзя. И следующий спросит. До вечера от нашего тарифа останется одна меловая пыль.

Можно не драться. Можно дать ей основание платить, которое она назовёт своим ребятам и не будет выглядеть уступившей. Придвинул кальку к Марьяне и прижал большим пальцем.

— Испытание, — сказал я, не отводя взгляда. Голос вышел ровнее, чем я ожидал. — Проход по моей разметке. Бесплатно. Если мой расчёт времени раскрытия ошибётся хотя бы на секунду, терминал открывает ворота всем даром навсегда. Навсегда, Швец. Публично, на глазах всего чёрного рынка. А если сработает... тариф. И твоё слово.

Марьяна молчала. Она смотрела на схему, потом на меня, потом на мою правую руку, замотанную в тряпки.

— Ты ставишь на кон своё имя против моего каравана, мальчик? — Она поддела палкой край листа, вынуждая меня прижать его крепче.

— Я ставлю на кон то, чего у вас нет, — ответил я, проведя пальцем от первой метки к третьей. — Тишину. Наш глушитель гасит чужие маячки на выделенных каналах, приёмник оставляет нам слух. Моя схема знает, куда не лезть. Выбирай.

Она усмехнулась. Криво, одними губами.

— Бесплатный сыр, — сказала она и убрала палку с кальки, повернувшись к водителю. — Ладно. Веди свою карету вперёд. Посмотрим, как ты будешь краснеть, когда моя первая телега станет золой.

Глава 95

Разметка шла по бетонному полу грузового двора. По моей кальке вся колонна сначала осталась на внешней площадке, а для проверки пошла одна головная телега. Три отметки. Первая — безопасный вход в зону искажения. Вторая — точка ожидания, где порталные ветры стихают. Третья — зона выгрузки. Проверочная телега двигалась медленно. Остальные стояли за внешней линией. Мужики в её кузове держали щиты, но расслабленно. Для них это был спектакль.

На третьей отметке головная телега остановилась за внешним краем опасной зоны. До точки будущего раскрытия оставалось больше ста метров. Водитель по привычке смотрел на короткую колею. Продолжи по ней — через четыре секунды попадёт в радиус раскрытия. Марьяна подняла руку, и на телеге перестали двигаться. Один из ребят подал щит выше; остановился с ним у плеча.

Я отсчитывал про себя, не снимая пальца с кальки. Раз. Два. Над порталом дрогнул воздух; послышался гул из глубины горизонтальной щели. Три. Четыре.

Вторая пасть раскрылась. Всплеск плазмы выбелил короткую колею — как раз ту часть, которую обвёл на листе. Моргнул, и вместо бетона уже была воронка. По краю пузырилась расплавленная крошка, трава в десяти метрах почернела.

Никто не засмеялся. Рейдер на телеге всё ещё держал щит возле плеча; глядел через его край туда, где сейчас лежали бы колёса. Марьяна повернулась от воронки ко мне. Задержала взгляд на моём пальце у метки. Такие лица видел на первой линии: командир уже прикидывает, сколько людей только что сохранил и что за это нужно отдать.

— Восемь ядер, — сказала она, положив на ящик контейнер. — Плюс одно сверху. За рисунок.

Её кладовщик развернул ведомость на шестьдесят четыре ядра груза. Приор сверил восемь по тарифу, девятое записал отдельной строкой. Марьяна сверила ведомость и расписалась. Восемь ядер с её шестидесяти четырёх — по одному с восьмёрки. Девятое оставила отдельно, за мой рисунок. Приор ещё раз пересчитал капсулы, поднёс одну к свету, проверяя клеймо. На снайперов теперь старался не смотреть.

Из тени ангара вышла Катя. Куртку застегнула наглухо, хотя уже теплело; держала телефон у груди, поверх экрана. Красный индикатор записи проглядывал между пальцами. Она остановилась совсем близко, загородив его собой от ворот. В лицо мне смотреть начала не сразу.

— Окно горит, Дима, — прошептала она, подходя близко, чтобы её слышал только я. — За мной идут. Настоящие, не охранка порта. Из гильдии прислали людей. Мне нужно уйти сейчас. Не через сорок часов. Через двенадцать.

Край кальки смялся у меня в ладони. Сорок часов были нужны Кате, чтобы вынести копии протоколов совета по «Восьмому участку» из архива «Авроры». Теперь двенадцать. За это время ей надо успеть вернуться, достать бумаги, уйти от тех, кто уже сел на хвост. Если не выйдет, у нас не будет ни протоколов, ни Кати.

Сложил схему в карман и отвернул экран её телефона от ворот.

— Тогда уходи сразу после сделки. Сейчас будут похороны. После этого ты исчезнешь.

Откладывать до вечера похороны я не стал. У трапа ждал отдельный транспортный контейнер. Ядра унесли на склад, освободили проезд: Петю среди груза с капсулами не повезём. Гроб сколотили из досок, купленных на последние наличные. На белом торце виднелся сучок; смотрел на него, пока контейнер подавали к рампе, потому что внутрь смотреть уже не мог.

Первым через шлюз шёл караван Швец. Она знала о Пете, ничего не спрашивала. Когда контейнер двинулся по рампе, у ворот зашевелились независимые рейдеры. Один снял каску, другой прижал свою к боку, третий стянул капюшон. Никто им не командовал.

Из очереди вышел здоровенный детина со старыми ожогами на лице. Подошёл к столу Лёвы Приора. Смотритель ещё ворчал над журналом, подсчитывал налоги и лампы, которые мы успели сжечь. Дитина подождал, пока он поднимет глаза, и поднёс кулак к столешнице.

Дитина положил на стол Приора два осколка ядра низкого ранга.

— На камень, — сказал он коротко, оставив оба осколка у открытой страницы журнала.

Приор поднял брови, пересчитал осколки. Взглянул на толпу; за дитиной уже подходили другие. Помедлил над журналом, но ко мне за разрешением не повернулся. Перелистнул тетрадь на чистую страницу.

Приор спросил у дитины имя и записал рядом с двумя осколками. Следующий рейдер уже стоял у стола, держа свою долю. Я посмотрел на растущую колонку: вот они, наши «свои». За Петин камень платили вместе; с этого списка и начнётся союз.

Я зажигалку Пети достал только тогда, когда процессия скрылась за трапом. Пламя маленькое, желтое, дрожащее. Держал кнопку, пока железный колпачок не раскалился. Обожгло большой палец; я всё ещё смотрел вслед контейнеру и разжал ладонь с опозданием. Отпустил кнопку и спрятал зажигалку в карман. Тёплый пластик ещё касался обожжённых пальцев. За трапом был уже внешний подъезд — оттуда гроб повезут на кладбище порта. Наши пошли рядом с ним; я проводил до поворота, пока последний белый край доски не скрылся за бортом похоронной машины.

Когда я вернулся во внутренний двор, там уже стояла Марьяна. Она курила сигарету, опираясь на палку. Корсет позвякивал при каждом вдохе.

— Схема работает, — сказала она, стряхивая пепел у своего ботинка, но не отходя от размеченной колеи. — Но ты дурак, если думаешь, что я буду платить за каждую поездку.

— Схема не товар, — ответил я и накрыл ладонью карман со сложенной калькой. — Это сервис. Ты покупаешь не бумагу, ты покупаешь гарантию, что твоя кровь останется внутри телеги. Если хочешь купить чертёж целиком — продаю за десять тысяч наличных. И больше никогда не увидишь мои отметки.

Марьяна поднесла сигарету к губам. Дым вышел мне в лицо; она не отвела его, смотрела, буду ли морщиться.

— Десять тысяч — это цена за жизнь одного хорошего бойца. А сервис стоит дешевле. Но дороже бумаги. Ты правильно мыслишь, мальчик. Слишком правильно для того, кто носит пику одной рукой.

Подошла ближе. Озон от портала на её одежде смешивался с кровью и медицинским спиртом. Кончик палки остановился возле моего ботинка; сама она смотрела на ремни шины.

— Я могу помочь с твоей рукой. У меня есть канал медикаментов. Высшая очистка. Препараты для такого разрыва стоят дорого. Я дам курс. Вперёд. В счёт будущих проходов без тарифа. Три бесплатных прохода для моего каравана. И лечение.

Пошевелил правыми пальцами — опять ничего. Василиса предупреждала: надолго, возможно навсегда. Шина только фиксировала руку; под ней всё тянуло, и я мог сколько угодно привыкать к этой боли, хват от привычки не появится. Три прохода за шанс снова держать пику — я бы отдал больше. Марьяне этого знать не обязательно.

Придвинул журнал, нашёл чистую строку.

— Согласен, — сказал я, указав на чистую строку. — Три прохода. Запишем сейчас.

Марьяна вписала три, расписалась. Приор тут же подложил договор: то же число, та же подпись на двух экземплярах. Я подписал левой, забрал наш. Второй ушёл к её кладовщику; тот свернул его и убрал вместе с оплаченной ведомостью.

Женя принёс банку белой краски. Пошли к воротам. Меловую надпись смывали водой; от тарифа оставались серые потёки. Приор держал ведро под мокрой створкой, озираясь на меня и на банку.

— Что пишешь-то теперь? «Проход бесплатный»?

— Пишем имя.

Провёл первую черту над аркой. С кисти капало на ботинок; левой писать крупно неудобно, приходилось отступать и проверять каждую букву. Приор уже молчал, только переставлял ведро под новые потёки. Дописал последнюю, опустил кисть. Теперь прочесть можно было от самого подъезда.

«ПРОХОД ПЕТИ».

Марьяна прочитала вслух. Хмыкнула, указав палкой на имя.

— Имя обязывает, Дима. Если сломаешь этот терминал, я лично засуну тебя внутрь разлома. Марьяна ушла к своей телеге. Когда колёса покатались к выезду, Тагир протянул мне пику древком вперёд. Упёр конец в землю, сложил секции левой и затянул чехол. Ремень перекинул через левое плечо. В трамвае сталь никому показывать не собирался: за Катей надо доехать, а не объяснять на каждой остановке, куда везу оружие.

Ещё немного постоял посреди двора, глядя на белые буквы над воротами. Правая болела сильнее, чем утром; я поправил ремень шины, чтобы не тянуло плечо. Марьяна уже увозила свой экземпляр договора. Значит, теперь за этими буквами стояли её караван, лекарства и подпись — союз, с которым можно было работать. Успею пройти курс. Снова возьмусь за пику прежде, чем за нашими воротами соберутся другие гости.

На стрелке у вокзала трамвай дёрнуло, и чехол стукнулся о стенку сиденья. Я придержал его левой, поморщился от звона. Третий день на нервах — а водитель ещё и давил на гудок. Правая висела в прежней арматурной шине; подсохший бинт цеплял кожу у края ремня. Поверх неё я накинул светлую накидку ещё перед выходом с терминала.

Катю встретил у архивного квартала до истечения двенадцати часов. Папка с протоколами совета «Авроры» по Восьмому теперь лежала в её сумке. Мы везли её обратно, но прямо к воротам я пока не собирался: тот, кто высматривал нас через вагон, должен был выйти в другом месте. Бумаги удалось вынести. Осталось довести того, кто сможет подтвердить их перед камерой.

— Дим, ты меня слушаешь? — Катя дёрнула меня за левый локоть. Она сидела напротив, колени врозь, сумка прижата к груди, как щит. Прядь липла к её виску; Катя сдула её, не отпуская сумку. На стажировке в общежитии она так же подавалась вперёд, когда ждала ответа. Только тогда спрашивала, нас выгонят или нет. Сегодня сама принесла то, за что выгоняли из «Авроры».

— Слушаю. Смотрю. — Я указал подбородком на отражение поручня за её плечом.

За её плечом, в трамвайном стекле, плыли серые фасады многоэтажек. Поручень делил отражение надвое; мне нужен был просвет между пассажирами. За нами, в соседнем вагоне, ехал человек в дешёвой куртке-ветровке. Держался за поручень, каждый раз поворачивался вслед пассажиру, проходившему мимо нас. Потом возвращал взгляд на Катину сумку. Внутренняя безопасность «Авроры» работала именно так. На курьера не набрасывались в вагоне — шли за ним до получателя. Папку я пока у Кати не брал. Пусть гадает, куда она её несёт.

И ещё один хвост тянулся за мной лично. Следователь полиции Реестра Рошин. Я видел его профиль в зеркале автобуса на пересадке. Он шёл следом от самого терминала, аккуратно, дистанцию держал метров пятнадцать. Дважды я видел его на пересадках: ни разу он не попытался подойти. Значит, ждёт вместе с безопасником. Хорошо. Двоим труднее спрятаться в одном потоке. Мне нужно было оторваться от обоих. Свести их так, чтобы каждый принял второго за сообщника своей цели.

— Высаживаемся на следующей, — сказал я тихо, повернув ремень чехла с пикой под куртку. — И иди строго за мной. Не оглядывайся.

Катя кивнула и убрала сумку под локоть. Когда я поднялся, она дождалась моего шага, не выскочила в проход первой. Объяснять ещё раз не пришлось.

У двери нас стиснули со всех сторон. Прижал правую к груди, дал выйти женщине с тележкой и шагнул за ней на остановку. До прохода между киосками шёл её темпом. Бежать здесь означало выдать себя обоим хвостам; в первой линии я достаточно намотался по дворам, чтобы знать, как легко заметить одного торопливого среди десятка сонных. За киоском прибавил шаг. Катя подстроилась, сумка пару раз стукнула её по бедру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.